

Свободные Земли



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Книга 1

КУДАГО

Елизавета Атаманская

18+

Елизавета Атаманская
Свободные Земли. Кудаго

«Автор»

2026

Атаманская Е.

Свободные Земли. Кудаго / Е. Атаманская — «Автор», 2026

Одна сделка — и вся жизнь летит к чёрту. Жизнь учила Софию верить в незыблемость правил. Но мир за пределами стен ее города устроен иначе. Он не подчиняется логике. Когда привычный порядок рушится, путь ведет ее в Кудаго — место, где столкновение с чужой, пугающей реальностью заставит заглянуть в самые темные глубины собственной души. Здесь даже случайная связь оборачивается опасным притяжением, в котором страх и чужие тайны переплетаются слишком тесно. Это чувство не обещает спасения — оно лишь делает её уязвимой перед лицом надвигающейся угрозы. Какая часть прежней личности уцелеет там, где сама атмосфера заставляет ожесточиться? И что останется, когда все иллюзии безопасности будут сожжены?

© Атаманская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
ВЫПИСКА ИЗ УЧЕБНИКА ПО ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	45
Гл	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елизавета Атаманская Свободные Земли. Кудаго

Глава 1

(Из закрытого архива Совета Хельмера)

15 ОКТЯБРЯ 2025 ГОДА — «ДЕНЬ ПЕПЛА»

Массированный ядерный удар и последовавшие за ним катаклизмы фактически уничтожили старую цивилизацию. За считанные часы города превратились в радиоактивную руину, а миллиарды людей гибли от пламени, лучевой болезни и хаоса. Век технологий и гуманизма закончился за один день.

4 МАЯ 2055 ГОДА — ОСНОВАНИЕ НОВОГО МИРА

Спустя тридцать лет борьбы за выживание в выжженной пустоши девять лидеров крупнейших укрепленных анклавов заключили Соглашение Восстановления. Этот день считается официальной датой рождения Нового Мира:

ВЫПИСКА ИЗ УЧЕБНИКА ПО ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ

Раздел II. Иерархия власти и военной службы

Служебная памятка № 4

Соблюдение субординации является обязательным для всех военнослужащих и гражданских служащих, находящихся на государственной службе. Незнание структуры командования не освобождает от ответственности за нарушение приказов.

ИЕРАРХИЯ ВЛАСТИ И ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Управление Новым Миром строится на строгой субординации. Военная и административная система включает в себя следующие чины и звания:

- Конвойный — младший офицерский состав (аналог лейтенанта). Осуществляет непосредственный контроль над патрулями, рабочими сменами на полях и охраной периметра.
- Коархонт — старший офицер линии (аналог старшего лейтенанта). Командует отдельными отрядами и отвечает за безопасность закреплённых секторов.
- Архонт — старший офицерский чин (аналог майора). Руководит закрытыми объектами, оперативными группами и подразделениями специального назначения.
- Высший Архонт — высший командный состав (аналог подполковника). Курирует безопасность городских районов, координирует крупные силовые операции и контролирует деятельность нижестоящих командиров.
- Префект-Архонт — глава силового или административного ведомства (аналог полковника). Назначается управляющим города для руководства структурами Генерального штаба, службами внутренней безопасности и административными подразделениями.
- Великий Префект — высшее военное звание (аналог генерала). Осуществляет стратегическое командование вооружёнными силами сектора, утверждает планы военных операций и отвечает за боеготовность подчинённых соединений.
- Член Совета — высший правительственный чин. Один из двенадцати правителей, входящих в состав Совета. С 2173 года количество членов Совета было увеличено с одиннадцати до двенадцати. Центр управления расположен в столичном Хальмере. Совет обладает абсолютной законодательной и исполнительной властью над Новым Миром.

Примечание.

Военнослужащий обязан беспрекословно исполнять приказы вышестоящего по званию и должности. Нарушение субординации, отказ от исполнения приказа или самовольное изменение цепи командования рассматриваются как тяжкое дисциплинарное преступление.

Глава 1

Пепел Воронды

— Ты моя, слышишь? Только моя, и ничего уже не сможет этого изменить!

Его слова набатом бились в висках.

— Ты ошибся! — закричала я, срывая голос, и рухнула на песок.

Лицо заливали слезы, во рту стоял привкус соли и пыли.

— Ты ошибся, черт бы тебя побрал!

В груди полыхал пожар. Хотелось вскрыть ребра и вырвать сердце, лишь бы замолчала эта невыносимая боль. Я свернулась клубком на земле, задыхаясь от собственного воя. Все кончено. Мне больше нет места в его жизни. Слишком поздно я поняла, что натворила. Какой смысл идти дальше, если внутри я уже мертва?

Я зажмурилась, пытаюсь удержать в памяти его лицо и то, как сердце рвалось ему навстречу. Какая же я дура. Посчитала, что сделка с Виктором — это так, пустые слова. Верила, что смогу обойти уговор и выйти сухой из воды. Думала, что хитрее их всех. В итоге я спасла маму, но какой ценой? Я предала его. Я предала целый город.

Не знаю, сколько я проваливалась в пыли. Очнулась, когда сумерки стерли границы между небом и землей. Лихорадка колотила тело, пальцы онемели от холода. Шорох совсем рядом заставил меня вскинуться.

В пяти шагах замер силуэт — крупный, костлявый, похожий на обтянутый кожей скелет. Собака была дикая, совсем не похожая на городских псов. Зверь смотрел на меня не моргая.

— Эй, иди ко мне... — прохрипела я. Горло саднило после крика.

Низкий, утробный рык заставил меня осечься. Зверь отступил, скаля зубы. Мы были похожи: оба загнанные, оба пустые. Ему тоже досталось, раз он видит во мне только угрозу.

— Прости, друг, у меня ничего нет. Даже для себя.

Я отвернулась и посмотрела на горизонт, где проступали первые звезды. Боль, мешающая дышать, никуда не делась — она просто затаилась поглубже, выжидая момента, чтобы ударить снова. Но нужно двигаться. До Воронды минимум три дня пути на запад.

Я достала железный прибор и постучала по стеклу. Стрелка, которая то и дело залипала, нехотя дернулась и замерла, указывая направление. Вечером, когда солнце наконец перестало выжигать во мне остатки жизни, идти стало легче. Дикая собака поплелась следом, держа дистанцию.

— Отлично, идем, — я обернулась, едва различая ее тень в темноте. — Будешь моим другом. Мне сейчас нужен кто-то рядом, а ты, кажется, единственный, кто не хочет меня убить.

Месяцем ранее...

Генеральный штаб Воронды

Виктор стоял у окна, заложив руки за спину. Он наблюдал, как первые лучи прорезают утреннюю дымку, окрашивая серые стены алыми полосами. Медленно опустив руки, он поправил манжеты рубашки, разглаживая едва заметные складки на дорогой ткани. Ему нравилось смотреть, как улицы родного города — его детища — наполняются звуками жизни. Воронда стала отражением его успехов. Никто не принес этому месту столько пользы, и никто, кроме него, не смог бы воплотить в жизнь задуманное.

Обычное утро дарило ему спокойствие. Он знал: время перемен пришло, и он — единственный, кто способен изменить реальность. Глядя на спешащих внизу людей, Виктор испытывал почти брезгливое сожаление. Их ограниченный разум не мог постичь величия, которое он собирался подарить этому месту. Им не понять, какой мощью вот-вот наполнится город.

Тихий стук в дверь прервал его мысли. Виктор бросил взгляд на часы и, не оборачиваясь, разрешил войти:

— Опоздываете.

Раздражение, как и всегда, скрылось за безупречно спокойной интонацией.

Перед ним стоял худощавый мужчина. Левая рука в татуировках, лицо в мелких рубцах. Он держался уверенно, но напряжение в плечах и жесткость движений выдавали тревогу. Виктора уверяли, что этот человек знает свое дело. Сейчас в этом возникли сомнения.

— Прошу простить. Возникли проблемы с целью, — начал мужчина. Он пытался говорить уверенно, но в голосе предательски сквозила спешка.

— Где девушка? — перебил Виктор. Его голос был опасно тихим.

Мужчина на секунду замялся, сглотнув вязкий ком:

— Она мертва.

Виктор медленно, почти лениво перевел на него взгляд:

— Ты видел ее труп?

— Нет... — пауза затянулась. — Мы не успели. Но информация проверена. Девка точно мертва.

Мышцы на лице управляющего едва заметно дрогнули — это было единственным проявлением ярости.

— Мне было нужно, чтобы вы привели ее живой.

— Обстоятельства сложились не лучшим образом, мы были...

Он не договорил: Виктор поднял руку, заставляя его заткнуться.

— Мне плевать на обстоятельства, — произнес он, опираясь руками о стол и подаваясь вперед. — Знаешь, в чем твоя проблема? Ты жалкий, ни на что не способный кусок дерьма.

Он медленно выдохнул, и в кабинете воцарилась мертвая, звенящая тишина. Виктор еще раз посмотрел охотнику прямо в глаза, и в этом взгляде уже не было ничего человеческого.

— Каждый раз одно и то же. Одно ваше существование заставляет меня просыпаться по утрам... только ради того, чтобы это исправить.

Сухой хлопок оборвал жизнь охотника прежде, чем тот успел осознать смысл сказанного. Пуля вошла точно в центр лба с глухим влажным щелчком. Кожа лопнула, кость треснула, и из рваного отверстия брызнула густая темная кровь. Тело обмякло и грузно рухнуло на ковер.

Виктор опустился в кресло, сделал глубокий вдох и зажал кнопку рации:

— В кабинет. Оба.

Адам вошел первым.

— Здесь лучше бы убрать ковер, — заметил он, с интересом разглядывая труп.

Кровь уже пропитала ворс и медленно растекалась дальше, собираясь в темную лужу.

Следом появился Эрик. Бросив предупреждающий взгляд на напарника, он переступил через тело и сел напротив стола.

Некоторое время Виктор молча разглядывал карту континента. Затем поднялся, подошел к бару и налил себе виски.

Тишину первым нарушил Адам — терпение никогда не было его сильной стороной:

— Шеф, у нас проблема?

Эрик ответил ему тяжелым, просящим заткнуться взглядом.

Сделать пару глотков, Виктор шумно выдохнул, намеренно затягивая паузу. В главе штаба всегда чувствовалась показная утонченность — словно он носил чужой костюм, старательно играя роль человека более высокого происхождения, чем был на самом деле.

— Дело дрань, господа. Человек, что сейчас так беспардонно портит мой ковер, задание провалил. Причем сделал это настолько филигранно, что исправлять там уже нечего.

Он говорил спокойно, но внутри закипала холодная ярость. Пальцы сжимались в кулаки.

— Что с девушкой? — спросил Эрик.

Виктор посмотрел на Эрика. Тот был отличным конвойным — дотошным, жёстким, начисто лишённым сомнений. Этого хватило, чтобы в своё время заметить его, помочь подняться до архонта и тем самым заполучить абсолютно верного пса.

— Внучка Орлова мертва.

Управляющий сделал короткую паузу, давая тяжелой новости осесть, а затем повернулся к Адаму:

— Узнай все. Ничего не упusti. Завтра утром жду тебя с полным отчетом.

Затем глава штаба вновь обратился к Эрику:

— Готовь отряд. Никаких опознавательных знаков. Используй технику, что забрали у диких — пусть потом попробуют доказать нашу причастность. Они не ждут нападения, готовятся обмен. Это даст нам преимущество.

Задача была проста: Вебер едет на место встречи ради обмена. Ему нужна девушка, Виктору — его люди. Он положил на стол две фотографии.

— Кто они? Это не солдаты, — Адам взглянул в снимки.

В сутулых фигурах не было выправки — только сосредоточенность и усталость. Он изучал серые халаты с недоумением.

— Нет. Они важнее. Ученые. Фанатики. Единственный доступный нам резервуар знаний. Они верят в свою миссию, поэтому пойдут до конца. Их нужно привезти любой ценой. И в интересах каждого из вас доставить их живыми.

Сделав глоток, Виктор подошел к панорамному окну. Его взгляд скользил по серым крышам и пустым улицам.

— У нас нет права на ошибку. От этих людей зависит будущее.

Обернувшись, управляющий бросил на подчиненных холодный взгляд и коротким жестом дал понять, что встреча окончена. В кабинете зазвучали удаляющиеся шаги.

София

Восемьдесят крон. Эта цифра пульсировала в висках в такт каждому рывку, пока я выди-рала из сухой земли очередной початок. Солнце палило так, будто решило добить нас оконча-тельно; воздух дрожал, а земля под ногами казалась раскаленным металлом. До полудня оста-валось еще два часа, но в глазах уже темнело.

Я со злостью бросала кукурузу в общую кучу. Пот струйкой тек по спине, и даже ред-кий ветерок приносил не прохладу, а лишь запах жженой пыли. Сегодня я снова работала за двоих. Пока норма сдавалась исправно, коменданты лениво шурились в тени своих навесов и не задавали вопросов, но через два дня маме все равно предстояло подняться за новым назна-чением. Если она не сможет встать, мы потеряем половину заработка. В нашей ситуации это равносильно смерти.

За долгие часы лицо превратилось в пылающий шар, светлые пряди прилипли к шее, мешая дышать. Но в этом кукурузном аду я думала не об ожогах. Я видела мамины руки, с которых теперь соскальзывало даже обручальное кольцо, и слышала ее ночной кашель, похо-жий на треск сухих листьев. Доктор Ханс, уходя, так и не посмотрел мне в глаза. Его слова звучали не как диагноз, а скорее как приговор.

Когда время вышло, я едва нашла в себе силы дойти до автобуса. Ната и Нинель молча помогли мне дотащить остатки нормы до весов. Раньше мы могли болтать часами, но здесь, на полях, слова стали роскошью, на которую ни у кого не осталось сил.

Я спешила домой. Автобус подвозил нас к базе, а оттуда мы добирались сами. Мы жили в неплохой по местным меркам квартире, да и район считался удачным — совсем рядом с промышленным участком. Когда-то мой отец был инженером, а в Воронде полезные специа-листы могли получить квоты на жилье или обучение для детей. К сожалению, он не успел при-обрести для меня место в учебке — авария в цехе лишила его жизни быстрее, чем мы успели

попрощаться. Мама часто говорила: если бы отец был жив, все было бы по-другому. Теперь нам этого уже не узнать.

На подходе к дому я заметила Яна. Его высокую фигуру трудно было спутать с чьей-то другой. Русые волосы топорщились в разные стороны, и, завидев меня, он торопливо пригладил их ладонью, открыто улыбаясь. Я считала его другом, хотя лгала бы себе, если бы сказала, что не замечаю его чувств.

— Привет. Как мама? Я принес кое-какие лекарства, что нашел дома. Возможно, что-то пригодится.

Он говорил быстро, и только сейчас я заметила в его руке небольшой сверток.

— Ты с ума сошел, — шепнула я, воровато оглянувшись на окна. — Отец убьет тебя, если узнает.

В его глазах мелькнула тревога, но он не отступил:

— Это не то, что должно тебя сейчас волновать... Что сказал врач?

Тяжелый вздох выдал меня с головой. Я медленно опустила взгляд, но Ян мягко взял меня за плечи, не давая отвернуться.

— Софи, все настолько серьезно?

Я подняла на него глаза. Терпеть не могла, когда кто-то видел меня такой — слабой и потерянной.

— У нее туберкулез. Нужны иммуномодуляторы и антибиотики, но доктор Ханс сказал, что здесь их не достать. Такое лечат не всем, лишь тем, у кого есть власть, кроны или связи. Он слышал, что в Хельмере медицина совсем другая, но...

— Софи, — тихо перебил Ян, и в его голосе прозвучала болезненная трезвость. — Но мы не в Хельмере.

— Да. Мы не в столице, — эхом отозвалась я, соглашаясь с этой очевидной и страшной правдой. — Спасибо за помощь. Если ты не против, я пойду — нужно проверить ее и успеть собраться на смену к Уго.

Я уже тянулась к дверной ручке, когда Ян поймал мою ладонь и вложил в нее пакет:

— Софи... Лекарства забыла. Передай миссис Новак, пусть поправляется.

Я поблагодарила его и через секунду скрылась за дверью. Сделав глубокий вздох, я бегом поднялась на третий этаж. В комнате тускло горел торшер. Мама сидела в кресле, голова была закинута набок, рядом лежала раскрытая книга. Заснула прямо так.

Я едва заметно покачала головой и подошла к ней:

— Мам, ну зачем ты встала? Доктор же просил лежать.

Я взяла ее за руки, пытаясь помочь подняться. Мама улыбнулась, хотела что-то ответить, но снова зашлась в кашле, от которого ее худое тело начало содрогаться. Я осторожно усадила ее обратно.

— Ладно, присядь. Я принесу чай, тебе станет легче.

На кухне серые стены давили сильнее обычного. За последнее время мама сильно сдала, лицо ее вытянулось, а кожа стала тусклой. Она медленно угасала, и я никак не могла это остановить. Стоя у плиты, я закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Сейчас было не время раскисать. Нужно сделать чай и надеяться, что ей обязательно станет лучше — я уговаривала себя в это верить, вопреки всему.

Моя прекрасная мама, Нора Новак, еще недавно считалась первой красавицей: высокая, со светлой кожей и длинными темными волосами, она всегда улыбалась. Несмотря на смерть папы, она изо всех сил пыталась сохранить хоть какое-то тепло ради меня. В глубине души она берегла память о нем как что-то очень важное. Часто, когда мы оставались одни, она рассказывала об их прошлом: как они встретились, о чем мечтали. Эти истории стали для меня опорой. Наверное, поэтому я и не ответила на чувства Яна. Еще раньше, глядя на родителей, я поняла, как это бывает — по-настоящему. И соглашаться на меньшее мне просто не хотелось.

Я отбросила лишние мысли и вернулась в комнату. Поставила кружку на низкий столик перед креслом и перехватила взгляд мамы, что был наполнен теплом и благодарностью.

Лекарства! Осенило меня, и я резко повернулась к пакету, который передал Ян, — нужно было проверить содержимое. Заметив мою оживленность, мама удивленно вскинула брови. Она молча кивнула на кулек — берегла дыхание, боясь спровоцировать новый приступ кашля.

Я заглянула внутрь: обезболивающее, сироп от кашля, спиртовой бальзам и пакетики с сушеной травой.

— Да, это не вылечит тебя, — сказала я, стараясь не смотреть маме в глаза. — Но сироп хотя бы смягчит горло, а обезболивающее поможет уснуть. Травы я тоже заварю — они явно полезнее этого чая.

Я попыталась улыбнуться, но губы не слушались.

До смены в баре оставался час. Этого времени хватало, чтобы смыть грязь и приготовить ужин. Захватив широкие брюки и белую футболку, я зашла в ванную и быстро нырнула в душ, стараясь не смотреть на свое отражение. Краем глаза все же заметила, что волосы выгорели и стали еще светлее, а на носу проступила россыпь рыжих веснушек.

Ледяная вода обдала тело. Кожа мгновенно покрылась мурашками, мышцы свело судорогой. Горячую воду давали лишь дважды в неделю, и сегодняшний день не был в числе счастливых. Мыться приходилось быстро — не больше пяти минут. Я стучала зубами, стараясь скорее просушить волосы полотенцем. Через двадцать минут я уже должна была покинуть дом.

Кое-как натянув сухую одежду и на ходу перехватив волосы резинкой, я бросила короткий взгляд на спящую маму, тихо прикрыла за собой дверь и выбежала на улицу.

После душного дня на поле вечерняя прохлада приятно освежила лицо. Ноги в старых кроссовках привычно отбивали ритм по асфальту мимо серых коробок жилых блоков. Я шла быстро, пряча руки в карманы и мысленно настраиваясь на долгую смену. Позади тяжелый день, впереди — ночь в забегаловке Уго. Но выбирать не приходилось: кроны сами себя не заработают.

Над дверью бара тускло мерцала лампочка. Заведение было еще закрыто. Если у хозяина сейчас хорошее настроение, он согласится угостить своего лучшего сотрудника горячим напитком — в качестве премии за то, что по пятницам только я способна уговорить Хромую Злату не затягивать поминальные песни раньше полуночи. Уго в такие моменты обычно прятался в подсобке.

В баре царила полутьма. Прямоугольные железные столы стояли ровными рядами, а пара факелов у стойки добавляла залу мрачной атмосферы. Я зашла внутрь и заняла свое место у края столешницы. Спертый сигаретный дым здесь мешался с резким ароматом сушеной рыбы. Из подсобки с тяжелой коробкой в руках показался Уго.

— Сегодня была поставка? — спросила я.

Он недовольно поморщился и с грохотом поставил груз на пол:

— Расставь пойло и прекрати так скалиться. Я не давал тебе повода думать, что ты можешь задавать мне подобные вопросы.

— Пфф, как будто никто не знает, что тебе таскает барыга по вторникам, — равнодушно бросила я, понимая, что бесплатного кофе не дожусь.

Без пяти минут полночь. Зал заметно оживился. За столиком в углу сидел мужчина: он дергано оглядывался, глаза тревожно бегали, а напряженные плечи выдавали страх. А рядом с ним — полная противоположность. Второй сидел уверенно и неподвижно. Расслабленная поза подчеркивала, что этому человеку нечего опасаться — здесь он хозяин. Глядя на него, инстинкт самосохранения буквально кричал: держись подальше.

Мне всегда нравилось наблюдать за людьми. Иногда казалось, что это интереснее любого разговора. Стоило человеку расслабиться или, наоборот, занервничать — и он начинал выдавать себя. Кто-то прятал взгляд, кто-то начинал барабанить пальцами по столу, кто-то неза-

метно сжимал челюсть. Такие мелочи я замечала почти автоматически. Наверное, поэтому меня так цепляли чужие реакции — они редко ввали.

Два высоких стакана со звоном опустились на стойку.

— Отнеси пиво за третий стол и подготовь угловой, — скомандовал Уго.

Я молча кивнула, подхватила поднос и двинулась в зал. Боковым зрением отметила нового посетителя — он только что вошел, и его лицо показалось мне незнакомым. Любопытный новичок вызывал интерес. Именно это любопытство меня и подвело: я не заметила задревший край ковролина.

Носок кроссовки зацепился за задревший ворс. Падение вышло коротким и обидным. Пока я летела к полу под аккомпанемент звонко бьющегося стекла, в голове вспыхнула одна-единственная мысль:

«Интересно, если сейчас изобразить глубокий обморок — это прокатит за производственную травму?»

Ну конечно же нет. За разбитое пойло придется платить из своего кармана, а этот чертов пол я теперь буду драить до рассвета. В баре на пару секунд стало тихо, а потом тишину разорвал противный хохот Марка — мелкого, суетливого человека, который всегда напоминал мне паразита.

— Уго, гони ее в шею! — выкрикнул он, хлопая ладонью по колену.

Я уже набрала в грудь воздуха, чтобы ответить ему что-нибудь едкое, но прямо перед моим лицом замерли высокие кожаные ботинки.

Здрав голову, я встретилась взглядом с мужчиной, вошедшим минуту назад. Он присел на корточки, внимательно изучая мое лицо с каким-то диким интересом. Под его улыбкой мгновенно стало неуютно.

— Держи, — коротко бросил он, протягивая мне упавший поднос.

— Спасибо, — буркнула я, забирая его и стараясь поскорее вернуться к барной стойке.

Дойдя до Уго и немного успокоившись, я оглянулась, но незнакомец уже исчез. Входная дверь еще дрожала. Зачем вообще заходил?

— Кто это был? — спросила я у здоровяка, появившегося с тряпкой и ведром.

— Адам Коган, один из приближенных нашего управляющего, — ответил он, передавая мне инвентарь и кивком указывая на место происшествия.

— А чего ушел?

— Он сюда не пить пришел, а за информацией, — раздраженно ответил Уго. — Сразу скажу, тебя это не касается. Лучше займись делом, иначе я быстро забуду про долг твоему папаше и вышвырну тебя отсюда так же, как ту собаку, что трётся около моего порога.

— А пес-то в чем виноват? — спросила я скорее саму себя.

— Нос совал туда, куда не надо, точно так же, как и ты, — ответил Уго.

В четвертом часу я положила в карман десять честно заработанных крон. Бар закрылся.

За углом ждал мохнатый друг. Бросив ему остатки рёбер и потрепав по морде, я поспешила домой. Дорога была ужасной: грязь, жижа под подошвой и пронизывающий ветер. Я закусил губу, думая о единственных кроссовках — в них уже хлюпала вода, а завтра снова идти на смену.

В квартире встретил холод. Пробежав из прихожей в комнату, я обнаружила распахнутое окно.

— Да что ж ты творишь! — в сердцах вырвалось у меня.

Мама спала. От моего крика она сонно подняла голову и непонимающе посмотрела на меня.

— Окно, мама! Почему ты его не закрыла? Тебе же нельзя! Снова поднимется температура...

Я подойдя к кровати и протянула руку к ее лбу, но мама перехватила мою ладонь.

— Софи, мне нужен был воздух, — тихо проговорила она. — Прошу, не переживай. Лучше присядь рядом, побудь со мной...

Ее голос звучал так спокойно, что злость мгновенно испарилась, оставив лишь пустоту и усталость.

— Девочка моя, ты стала такая красивая...

Я боялась вздохнуть, чтобы не спугнуть это мгновение. Голос мамы был чист, и мне показалось, что в нем стало меньше болезненных хрипов. Опустив голову на подушку рядом с ней, я прикрыла глаза — всего на минутку.

Генеральный штаб Воронды

Адам Коган так и не уснул. Информация об Анне Орловой не давала покоя, а идея, пришедшая в голову после встречи с девчонкой в баре, сверлила мозг словно надоедливая муха.

Его терзала совесть. Он не считал себя подлецом, но подставить девчонку таким образом... Это точно не назовешь благородным поступком. С другой стороны, этот шаг мог спасти не одну жизнь их ребят. Выбор казался наименьшим из зол.

Так и не разрешив эту дилемму, Адам провел бессонную ночь и теперь шел к главе — разбитый и злой. Остановившись перед кабинетом, он смерил мрачным взглядом дорожную табличку, где вычурное золотое тиснение гордо гласило: «Виктор Романо — глава города». Сверкающие на свету буквы выглядели откровенно нелепо, выдавая дешевый пафос хозяина. Из-за двери тем временем доносилась музыка. Снова классика. Адам закатил глаза: пришлось напомнить себе о необходимости изображать почтительность, хотя все внутри требовало развернуться и уйти. Но прагматичный ум и желание прожить сытую и долгую жизнь убеждали — он все делает правильно.

Стерев с лица непрощенные эмоции, он постучал в дверь.

Виктор всегда появлялся на рабочем месте в тот момент, когда первые солнечные лучи касались земли. В этом ритуале был символизм, понятный только ему одному. Пока город просыпался, за толстыми стенами Генштаба звучала музыка ушедшей эпохи. Она заполняла тишину, напоминая о временах, когда мир был иным.

С момента падения старой цивилизации прошло сто пятьдесят лет. Ядерная война и катаклизмы выжгли прежнюю жизнь до основания. Девять лидеров, обладавших остатками власти и ресурсов, объединились, чтобы остановить вымирание. Они сплотили выживших, основали четыре города и начертили границы на выжженной земле, закрепив их сводом жестких правил.

Теперь их дело продолжали дети и внуки — двенадцать членов Совета, чья резиденция находилась в Хельмере. Столица была самым богатым и укрепленным оплотом, сосредоточием академий и военной мощи. Остальные три города, включая аграрную Воронду, лишь обеспечивали нужды этого устройства. Виктор, будучи лишь назначенным управляющим, всегда смотрел на столичных аристократов с затаенной завистью. Его фанатичная любовь к порядку была попыткой подражать тем, кто владел миром по праву крови.

Виктор стремился быть святее самих аристократов: в его мире безупречная дисциплина начиналась там, где воля другого прекращалась. Только так можно было удержать Воронду в узде и доказать Совету, что он достоин места в высшем кругу.

Адам вошел в кабинет. Начальник не обернулся, продолжая стоять у окна. Его фигура на фоне льющейся из проигрывателя музыки казалась холодной и застывшей.

Адам замер у порога, не решаясь прервать этот затянувшийся ритуал. За стеклом растянулась лишь однообразная серость Воронды. Коган мельком глянул на пол — поверхность сияла безупречной чистотой, будто еще вчера здесь не отдал богу душу один из лучших свободных наемников.

Наконец глава развернулся. Он поймал взгляд Адама и коротким жестом указал на диван: — Присаживайся.

Сам же он опустился в кресло и натянул вежливую улыбку:

— Выпьешь что-нибудь?

— Нет, — ответил Адам, откидываясь на спинку.

Пальцы Виктора сцепились в замок. Маска благородного джентльмена сейчас была не нужна. Он глубже опустился в кресло, позволяя плечам наконец расслабиться, и чуть наклонил голову набок, готовый слушать.

— Выкладывай все по порядку.

Адам начал говорить. С каждым его словом внутри Виктора нарастала холодная, сдерживаемая ярость.

— Смерть Анны Орловой не была случайной... Она покончила с собой после того, как...

Коган замолчал. Пояснения оказались лишними — все читалось в его взгляде.

— Сука! — Виктор с силой ударил ладонью по столу. — Чертовы ублюдки... Ни на что не способны!

Он поднялся и начал мерить кабинет шагами, расстегивая верхнюю пуговицу рубашки, будто ему внезапно стало тесно.

— Вебер этого так не оставит. Он ясно дал понять: девчонка нужна ему живой и невредимой.

Адреналин ударил в кровь. Виктор чувствовал: грядут проблемы. Реакция Совета могла быть непредсказуемой, а расследование стало бы прямой угрозой. Ничто не должно было указывать на причастность людей из Воронды.

— После доставки объектов — максимум сил на безопасность. Проверять каждого. К администрации не подпускать никого без нужного уровня допуска. Въезд в город закрыть. Никакого нелегального трафика.

Виктор остановился и посмотрел на Адама ледяным взглядом:

— Официально учёных в городе нет и быть не может. По прибытии разместить их на территории ведомства в «Чистой зоне». Контакт — только через коархонтов, которых назначит Эрик, либо через него лично. И больше никто к ним приближаться не должен. В отчётах они числиться не должны. Любая утечка информации будет приравнена к измене. Ты меня понял, Адам?

Коган кивнул. Подобный уровень секретности означал лишь одно: управляющий затеял игру, истинных целей которой не раскрывал. Можно было попытаться вытянуть подробности из Эрика, но Коган сомневался, что тот предаст хозяина. Эрика держало чувство долга — в отличие от самого Когана, который признавал лишь личную выгоду и безопасность собственной шкуры.

Приказы возвращали контроль. Виктор выпрямился и вновь надел маску равнодушия.

— Это еще не все, — произнес Коган.

Виктор напрягся. Вены на висках болезненно пульсировали.

Адам рассказал о девушке, которую видел в баре. Проживающей на третьем производственном комплексе. О ее больной матери. О возможности подмены. Убеждал в ее сходстве с внучкой Орлова.

Глава штаба слушал молча. Когда Коган закончил, губы Виктора сложились в холодную усмешку:

— Ты правда думаешь, что Александр настолько слеп, что не знает, как выглядит та, кто ему нужен?

Коган пожал плечами:

— Если разработать хороший план, нам удастся избежать бойни. Спасти десятки жизней. Сейчас каждый человек на счету.

Виктор устало провел ладонями по лицу и откинулся в кресле, прикрыв глаза.

— Встреча назначена на завтра, на семь, — сказал он после паузы. — Незадолго до этого организуйте пару взрывов на электростанциях с восточной стороны Кудаго. Он не оставит своих дикарей без защиты. Значит, на встречу придет кого-то из приближенных. И этот кто-то может не знать девку в лицо.

— Все будет сделано в лучшем виде, — ответил Коган, направившись к двери. В его шагах чувствовалось воодушевление: план обрел форму, появился шанс забрать специалистов и сохранить бойцов.

— Приведи ко мне девушку, — добавил Виктор ему вслед.

Дверь закрылась. Музыка вновь наполнила кабинет главы Генштаба Воронды.

Глава 2

София.

Сон отпускал неохотно. Я открыла глаза, прокашлялась — во рту стоял мерзкий привкус пыли а сухость была такая, будто я всю ночь жевала песок из пустоши.

— Мам... — позвала я, но голос тут же сорвался на хрип.

В квартире стояла тишина. В груди привычно сжалось от страха за нее: не стало ли хуже? Я поднялась и, запутавшись в собственных ногах, побрела в соседнюю комнату.

Мама сидела у окна, поджав под себя ноги. В руках — всё та же затёртая книга, которую она перечитывала сотню раз. Она не читала, просто грела пальцы о переплёт и смотрела в серое марево за стеклом.

— Мам, ты как?

Я опустилась на пол и уткнулась лбом ей в колени. Ткань штанов была шершавой и прохладной. Мама вздрогнула, будто только что меня заметила, и привычно запустила пальцы мне в волосы. На секунду показалось, что нет никакой болезни, нет этой пахоты на износ и вечного липкого страха, которому я даже названия подобрать не могла.

— Детка... — её голос прозвучал пугающе чисто. — Софи, посмотри на меня.

Я подняла голову. В утреннем свете её лицо казалось совсем белым. Губы сливались с кожей, а глаза выглядели блёкло — как мутные, запотевшие зеркала.

— Детка, пообещай кое-что.

Она заправила мне прядь за ухо и шелкнула по носу — как в детстве. Но мне было вообще не до игр. В животе всё скрутило. Так говорят те, кто уже всё для себя решил и смирился.

— Обещай, что во что бы то ни стало проживёшь счастливую жизнь. Обещай, что будешь любить от души, а обиды отпускать легко. Не пытайся угодить всем, ладно? Живи так, чтобы тебе самой было спокойно. Прощай тех, кто делает больно. Будь мягче... и тогда внутри будет тепло.

Я сжала её ладонь. Кожа совсем тонкая, как сухая бумага, под пальцами еле билась жилка. Мне хотелось закричать, что её правильные советы вообще не работают в нашем мире. Что «счастье» здесь — это когда есть кроны на лекарства или нормальную обувь. Но я просто кивнула.

Мама вдруг наклонилась, ткнулась губами мне в лоб и уже вполне бодро выдала:

— Всё, хватит сырость разводить. Вставай, на работу опоздаешь.

Я глянула на часы и онемела. Стрелка подбиралась к девяти. Вскочила, чмокнула маму в щеку и на всех парах понеслась к себе.

Одевалась на ходу, психуя и выдёргивая молнии. Старые джинсы, майка, сверху — чёрная отцовская рубашка (мой личной талисман от всех бед). Когда влезла в кроссовки, внутри мерзко чавкнуло. Со вчерашней смены ни черта не просохли. Я поморщилась от липкого холода в ногах. «Шикарно, — подумала я. — День только начался, а я уже как мокрая крыса».

— Хорошего дня, мам! — крикнула я и еле удержалась, чтобы не хлопнуть дверью.

И со всех ног бросилась бежать до базы. Спустя каких-то пять минут мои лёгкие уже горели, а в боку кололо, будто туда засунули острый камешек. Когда я влетела на платформу, табло сменило 8:59 на 9:00.

Успела. Я привалилась к стене, пытаюсь отдышаться. Перед глазами плыли пятна. Помню, как один раз я проспала и бежала три километра. Хотя бежала, наверное, два — третий просто тащилась. На поле нужно было попасть до десяти утра, иначе засчитывали прогул, а твою норму отдавали другим.

Автобус подошёл к платформе ровно в девять. Цифры на табло сменились одновременно с тем, как зашипели тормоза. Эта пунктуальность водителя всегда настораживала: он соблюдал график так, будто от каждой секунды зависела его жизнь.

В салоне всё было распределено годами. Каждый знал своё место, поэтому обходились без толкотни. Я села у окна. Справа осталось пустое сиденье — там обычно сидела мама. Стараясь не смотреть на пустое кресло, я отвернулась к стеклу.

Двигатель работал, но мы продолжали стоять. Прошла минута, вторая. Пассажиры начали негромко перешёптываться, поглядывая на часы; задержка рейса никогда не означала ничего хорошего.

В следующий момент в салон поднялся мужчина в военной форме. Он быстро осмотрел ряды.

— София Новак здесь? — выкрикнул он.

В автобусе стало тихо. Все смотрели на меня, но никто не указывал пальцем.

— Повторяю вопрос: есть среди вас София Новак? — он прибавил громкости и уверенно зашагал по проходу, уже не сводя с меня глаз.

— Да, — ответила я. Голос прозвучал неуверенно, и я непроизвольно плотнее прижалась к спинке кресла.

— Пойдёмте со мной, — строго бросил он, развернувшись к выходу.

— Куда? — я не сдвинулась с места.

Военный обернулся и коротко кивнул на дверь:

— На все вопросы вам ответят позже. Прошу. Не заставляйте меня вытаскивать вас силой.

— А вы могли бы? — вопрос сорвался с губ раньше, чем я успела его обдумать.

Он не ответил. Лишь бросил взгляд, который ясно говорил: «Не будь душой».

Я поднялась. Внутри всё напряглось. Если бы за мной пришли из-за нарушения, это сделали бы ещё дома. Значит, я для чего-то им понадобилась. Я вышла из автобуса, чувствуя, как взгляды пассажиров буквально сверлят мне спину.

Глядя на его широкую, обтянутую форменной курткой спину, я лихорадочно перебирала в уме события, которые могли стать причиной этой встречи. Вроде бы ничего не крала, закон не нарушала. Даже на стену не лазила уже пару лет — а ведь раньше мы с друзьями обожали подглядывать за военным полигоном.

Сквозь нарастающий страх пробилось любопытство. Чем именно я привлекла внимание? Меня всегда отличала особая пытливость. Своими расспросами я могла довести кого угодно; так, мой простодушный вопрос смотрителю в первый же рабочий день: «А где здесь можно попить?», избавил коллег от необходимости таскать воду с собой. В тот день в нашем секторе я стала местной легендой.

Выйдя с базы и свернув левее, мы подошли к чёрной машине. Облокотившись о неё, стоял мужчина в очках: руки скрещены, голова чуть наклонена вбок. В нём угадывалось что-то знакомое.

Пока мы приближались, я внимательно разглядывала его. На вид — не больше тридцати лет, светлые волосы, загорелые руки. На левой я заметила несколько плетёных браслетов. «Красиво», — проскочила мысль, и тут он снял очки.

Точно. Это был тот самый парень из бара.

Подойдя к машине, я непонимающе уставилась на него. Он улыбнулся. Его взгляд медленно пробежал по мне снизу вверх, после чего он открыл дверцу автомобиля и широким жестом пригласил меня сесть внутрь.

— Я хотела бы знать, что вам от меня нужно? — произнесла я.

Бровь мужчины дёрнулась вверх, и он усмехнулся.

— А у тебя что-нибудь есть?

— Нет, — резко ответила я и отступила на шаг.

Казалось, моего замешательства мужчина совершенно не заметил.

— Ну тогда, пожалуй, я смогу тебе кое-что предложить...

— Спасибо, мне ничего не надо, — бросила я и уже готовилась развернуться, чтобы рвануть оттуда со всех ног.

Парень принял озабоченный вид, задумчиво постукивая указательным пальцем по губам.

— Возможно, твоей маме что-то необходимо, — произнёс он. — Может, хороший врач.

Меня словно током ударило. Ноги приросли к земле. Я ошарашенно уставилась на него.

— Если хочешь её спасти, сейчас же сядешь в машину и будешь послушной девочкой, — голос его стал суше.

Заметив мой оцепенелый взгляд, он с силой закинул голову назад, глядя в серое небо, будто прося у него терпения. Пролетающая над базой стайка ворон взорвалась резким карканьем. Парень зажмурился, дождался, пока шум стихнет, и, всё так же не опуская головы, раздражённо бросил:

— Ты же не думаешь, что меня интересуют девчонки вроде тебя?

Я опешила. Вопрос прозвучал так буднично и грубо, что я не выдержала:

— А кого тогда... интересуют?

Он коротко и зло рассмеялся. Только после этого наконец посмотрел на меня — во взгляде читалась усталость человека, которому смертельно надоело тратить время.

— Не знаю, Софи. Но уверен — однажды ты это выяснишь.

Он выждал секунду. Давление от него исходило почти физическое.

— Тебе ничего не угрожает, — добавил он, едва сдерживаясь.

— Хорошо, — сказала я. — Я поеду, если вы скажете, куда мы едем.

Парень закатил глаза, окончательно утомлённый моим сопротивлением.

— В администрацию. Познакомлю тебя с нашим главой, — сказал он, разворачиваясь и сядя на переднее пассажирское сиденье. — У тебя секунда, или я передумую.

И в тот же миг машина завелась. Резко, не задумываясь, я заскочила на заднее сиденье.

За рулём сидел крепкий мужчина с короткой, почти арестантской стрижкой. Его мощная шея, казалось, с трудом помещалась в воротнике форменной куртки. Он даже не обернулся, когда я села, лишь процедил сквозь зубы, не глядя в зеркало:

— Дверь.

Я взялась за ручку и резко дёрнула её на себя. Дверь с грохотом захлопнулась. Машина вздрогнула. В ту же секунду водитель медленно повернул голову в мою сторону. У него был тяжёлый, низкий лоб и светлые глаза, которые в этот момент буквально полыхали молниями. Он ничего не сказал, но я кожей почувствовала, что этот человек с радостью вышвырнул бы меня из салона прямо на ходу.

Сделав вид, что ничего не заметила, я отвернулась к окну.

Машина тронулась. Мысль о том, что маме действительно могут помочь, казалась слишком невероятной. В нашем мире никто не делает подарков просто так, тем более — администрация. За каждое «добро» полагалась плата. Я не дура и понимала: если они предлагают помощь, значит, им что-то от меня нужно. И цена этого «что-то» явно будет непомерной.

Тревога внутри завязывалась в тугую узел, грозя перерасти в панику. Чтобы не сойти с ума от жутких догадок, я заставила себя переключиться на что-то приземлённое и понятное. Например, на прогул. Я принялась лихорадочно соображать, что писать в объяснительной. Прогул — это не просто штраф, это несмываемое пятно в личной карточке, из-за которого могут урезать паёк или перевести на более тяжёлый участок.

Я до боли вглядывалась в мелькающие за окном серые дома, мысленно подбирая слова для оправдания, смакуя детали бюрократических проблем, лишь бы не думать о том, что прямо

сейчас сижу в машине с опасными незнакомцами. Это была жалкая попытка обмануть саму себя.

В голове всё сильнее пульсировала мысль, что это — худшая идея в жизни. Но когда перед глазами всплывало бледное лицо мамы, я заставляла себя игнорировать страх. У меня не было выбора. Если оставался хоть один шанс из миллиона, что её вылечат, я была готова рискнуть чем угодно.

Путь занял около двадцати минут. Когда машина затормозила у высокого крыльца администрации, я почувствовала странное облегчение — по крайней мере, меня не вывезли за черту города.

Внутри я никогда не была. Я шла за парнем, стараясь не отставать, и всю крутила головой. После наших серых кварталов здесь было ошеломляюще красиво. Белоснежные стены отражали мягкий свет, по ним тянулась изящная резьба — изображения диковинных птиц и переплетения листьев. Потолок мерцал, точно огромная драгоценная жемчужина, а пол укрывала бесконечная красная дорожка, по которой хотелось идти на цыпочках. Мои мокрые кроссовки оставляли на ворсе тёмные следы, но я старалась на них не смотреть. Это была настоящая сказка, ожившая прямо посреди нашего города.

На втором этаже парень уверенно подошёл к массивной деревянной двери. Короткий стук, и он кивнул мне, приказывая зайти первой. Я сглотнула сухой ком в горле и перешагнула порог.

Войдя внутрь, я оказалась в кабинете, который ослепил меня обилием красок. Правую стену занимали полки, заставленные всякой всячиной: изящными фигурками, свечами, старинными часами. Книг здесь было столько, что их хватило бы на несколько жизней. Прямо передо мной замерло огромное панорамное окно, открывавшее вид на город, а в центре комнаты стоял массивный письменный стол. За ним сидел человек, чьё лицо знал каждый житель.

— Добрый день, мисс Новак, — произнёс управляющий, поднимаясь из-за стола. Голос у него был мягкий, уверенный. — Прошу вас, присаживайтесь. Желаете чаю?

Не дожидаясь ответа, он налил напиток в белую чашку. Она выглядела слишком хрупкой даже для моих рук. Вскоре чай уже дымился на маленьком столике рядом с диваном. Сам хозяин вернулся за стол и налил вторую порцию — уже себе.

Всё это время я сидела неподвижно. Внутри всё свербело от неопределённости. Я не выдержала.

— Мистер Романо, разрешите спросить... зачем я здесь? — я постаралась, чтобы голос звучал уверенно.

— Все, кто приходит сюда, не задают вопросов, мисс Новак, — произнес он почти дружелюбно, но за его мягким тоном лязгнула сталь.

По спине пробежал холодок. Я заставила себя не отводить от него взгляд. Червячок сомнения норовил вот-вот превратиться в огромную змею. Он замолчал, наблюдая за мной всего на мгновение, но и этого было достаточно, чтобы понять: меня оценивают.

— Ответ зависит от вас, — Романо медленно сложил руки перед собой, переводя взгляд на панораму города. — Скажите, София, вы понимаете, на чём на самом деле держится наше Единство?

— Города связаны друг с другом, — ответила я так, как было прописано в учебнике. — Мы кормим союз, Хальмер даёт энергию. Одно без другого невозможно.

— Именно. Это великий механизм Порядка. Мы — части одного целого. Если Воронда перестанет работать, другие города начнут голодать. Мы существуем только до тех пор, пока каждый на своём месте выполняет свой долг. Это единственный способ выжить в мире, который однажды уже превратился в руины.

Он подошел к карте, накрыв ладонью обширные серые зоны за пределами границ.

— Но есть Свободные земли. Вы ведь слышали о них? О местах, где люди якобы живут без участия Совета?

— Слышала, — я кивнула. — Говорят, там нет запретов.

Романо на секунду замер и бросил на меня взгляд, полный такого отчётливого презрения, будто я только что сморозила редкую глупость. Так обычно смотрят на умалишенных, которые не в силах осознать очевидные вещи.

— Там нет законов, София! — он почти выкрикнул это и с силой ударил ладонью по столу.

Я вздрогнула и выпрямилась как струна. Внутри всё похолодело. Я смотрела на него, не отрываясь, и боялась даже пошевелиться — он выглядел... странно.

— Там лишь грызня за право отобрать кусок хлеба у ближнего! — он подался ко мне, пальцы вцепились в край столешницы. — Никаких правил. Местные называют этот бардак свободой только потому, что не способны построить ничего нормального. Смешно, как легко люди ведутся на красивые слова. Они не хотят видеть правду: за чертой наших городов правит обычный произвол!

Я слушала его и понимала: он ведь прав. Нас так учили, и это казалось логичным. Но то, как он это говорил — с каким-то надрывом, почти захлёбываясь словами... это было похоже на истерику. Он выглядел как человек, который окончательно помешался на своей идее. Мне стало по-настоящему жутко.

— Я не понимаю, — мой голос едва не сорвался. — К чему вы это всё говорите?

— К тому, что Свободные земли — это зараза, — Романо обернулся и сделал шаг ко мне. — И те, кто там обитает, умеют быть убедительными. Я хочу, чтобы вы видели их насквозь прежде, чем окажетесь среди них.

В этот момент чашка в моих пальцах предательски дрогнула. Тёмная жидкость плеснула мне на руки, обжигая кожу, и я тут же опустила глаза, чтобы скрыть шок. Оказаться среди них? Это звучало как бред, как дурная шутка, которую он почему-то произнёс с абсолютно каменным лицом.

Я медленно опустила чашку на столик. Руки ходили ходуном, и мне стоило огромных усилий не расплескать остатки чая. Проповеди закончились, началось какое-то безумие, и я не могла больше ждать.

— Ваш человек сказал, что вы поможете маме, — я сглотнула, пытаюсь вернуть себе самообладание. — Моей маме хуже с каждым днём. Если вы правда можете достать врача или лекарства... скажите прямо, что я должна сделать взамен.

Романо замолчал, внимательно изучая мое лицо.

— Для начала — ответить: готовы ли вы служить нашему делу? Служить мне?

— Я не совсем понимаю, о чём речь, — я качнула головой, всё ещё не веря в происходящее. — Если вам нужен кто-то вроде спутницы для ваших людей... или девушка, которую можно брать с собой для развлечений, — я сделала это предположение, стараясь игнорировать весь тот бред, что он нёс секунду назад.

Все знали, что военных нередко сопровождают женщины во время длительных поездок и командировок. Но я и подумать не могла, что подобное может происходить с одобрения администрации.

— Достаточно, — отрезал он, и я осеклась от холода в его голосе. — Я не предлагаю вам торговать собой. Это ниже достоинства любого гражданина.

Он вернулся к карте, и его палец упёрся в серую зону.

— Вы отправитесь на ту сторону. Мне нужен человек в Кудаго. Кто-то, кто сможет находиться там и в нужный момент выполнить важную задачу.

У меня чуть челюсть не отвалилась. Кудаго? Он это серьёзно?! Да с чего он вообще решил, что я способна выполнить какую-то «важную задачу»? Я едва понимала, что происхо-

дит вокруг. У него в голове явно что-то переклинило, если он думает, что я просто возьму и поеду туда. Это же... это просто невозможно!

Я сглотнула, пытаюсь унять дрожь в руках.

— А если я откажусь? — спросила я, хмурясь.

— Тогда вы уйдёте отсюда, — сказал он ровно. — И мы больше не вернёмся к этому разговору.

Он замолчал, и от его взгляда в тот момент мне стало совсем не по себе. Просто класс. Вот это выбор — либо смотреть, как угасает мама, либо...

Мама.

Резкая вспышка осознания накрыла меня с головой. Если я соглашусь, он ей действительно поможет. С его ресурсами, с его властью... это единственный шанс вытащить её. Ради этого можно и в ад спуститься, не то что в Кудаго.

Я подняла на него глаза, чувствуя, как страх медленно сменяется ледяной решимостью.

— Хорошо. Что я должна сделать?

Он снова сел за стол.

— Вы сделали правильный выбор, София. И не беспокойтесь о миссис Новак: пока вас не будет, я позабочусь о ней. Она ни в чём не будет нуждаться, — спокойно произнёс он. — Это я вам гарантирую.

Он сделал короткую паузу, затем чуть мягче добавил:

— С вами тоже всё будет в порядке. Мы не отправляем людей неподготовленными.

Я всё ещё не знала, верить ему или нет, но по крайней мере теперь это звучало не как приговор.

— Не будем терять время. Идите, Коган подготовит вас. Вы скоро отправляетесь.

Он отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

— Что? Так быстро? — я резко вскинула голову. — Мне нужно ещё время...

— Времени нет. Всё, что вам нужно знать, объяснит он, — бросил Романо, указав на парня в дверях. — Остальное узнаете в пути.

Я открыла рот, пытаюсь возразить, но слова застряли в горле. Пульс бил в виски.

— Мне хотелось бы забрать свои вещи — а ещё обнять маму, объяснить ей, что я скоро вернусь... Я растерянно посмотрела на управляющего.

Его челюсть дёрнулась, будто моя просьба была для него невыносимо утомительной. Он вздохнул и нехотя выдал:

— Конечно... вы можете взять всё необходимое. — И тут же добавил, уже уткнувшись в бумаги: — Но никаких личных вещей. У вас будет совершенно другая личность, София. Ничто не должно связывать вас с прошлым. Коган, займитесь этим.

— Идём, — раздалось от двери.

— До свидания, — прошептала я и вышла вслед за парнем.

Мы шли к выходу, но теперь окружающая роскошь казалась мне чужой и мёртвой. Меня начинало лихорадить. Кто поедет со мной? Как долго это продлится? Что я должна там делать? Мысли путались, наслаиваясь друг на друга.

У крыльца стояла та же чёрная машина, только теперь Адам сам устроился за рулём. Он открыл переднюю дверцу. Я быстро села внутрь, собираясь объяснить дорогу к дому, но он резко оборвал меня, заявив, что и сам прекрасно знает путь. Эта его самоуверенность и то, как глубоко они влезли в мою жизнь, выбесили меня окончательно.

Когда машина затормозила у моего дома, я уже потянулась к ручке, но Адам протянул мне рюкзак с заднего сиденья.

— Всё твоё имущество должно поместиться в нём, — сухо пояснил он.

Я резким движением вырвала рюкзак из его рук. Злость на мгновение вытеснила страх, и, не удержавшись от колкости, я широко улыбнулась:

— Спасибо, Адам!

Было почти физически приятно видеть, как его брови взлетели вверх, а лицо вытянулось от искреннего недоумения.

Подняться в квартиру оказалось непросто. Я совершенно не представляла, что сказать маме. Наш сосед Ян, вечно отиравшийся на лестничной клетке, проводил меня удивлённым взглядом, но мне было не до него. Остановившись у входной двери, чтобы отдышаться и собраться с мыслями, я услышала чужие голоса, доносившиеся изнутри.

Зайдя в квартиру, я замерла. Мама лежала на кровати и оживлённо беседовала с мужчиной весьма необычного вида. У него были чёрные, словно дёготь, волосы, узкие глаза и приветливое лицо. Лёгкая сетка морщин выдавала возраст — примерно мамин или чуть старше. Мужчина был одет в белоснежный медицинский халат. Сидя на стуле возле кровати, он поправлял тонкую прозрачную трубку, тянущуюся от маминой руки к высокому штативу с устройством, в котором что-то мерно капало.

Увидев меня, мама улыбнулась своей самой тёплой улыбкой.

— Софи, милая, проходи, познакомься, — защebetала она. — Это доктор Цао. Он ведущий инфекционист из центрального сектора.

— Здравствуйте, — обескураженно поздоровалась я.

— Здравствуйте, София. Мы уже заканчиваем на сегодня, — спокойно сказал он. — Завтра я снова приду, поставим капельницу и привезу необходимые лекарства. Не волнуйтесь: через три-четыре месяца вы забудете обо всем плохом, а спустя полгода я обещаю полное выздоровление. Всё теперь будет хорошо. Меня вовремя направили к вам.

— Простите, — спросила мама, — я так и не поняла, кто именно вас направил?

— Мам, я сама тебе всё расскажу. Подожди минутку, пожалуйста, — сказала я, провожая мистера Цао к выходу. — Спасибо вам огромное, доктор. Мы вам невероятно признательны... — на этих словах у меня в горле встал ком.

Мужчина улыбнулся, похлопал меня по плечу и вышел. Закрыв дверь, я сбросила рюкзак. Порыв обнять её оказался сильнее любых других желаний.

— Мама... как же я рада, что ты скоро поправишься. Теперь всё точно будет хорошо.

В этот миг с моих плеч словно свалилась тяжелейшая ноша. Услышав слова доктора, я почувствовала, будто заново научилась дышать. Но следом пришло понимание: нужно лгать. Это единственно верное решение. Во всяком случае, у мамы были слабые лёгкие, а не сердце, так что немного волнения её не убьёт. В отличие от моего бездействия.

— Мам, нам нужно поговорить, — тихо произнесла я, опустив взгляд и разглядывая свои руки.

— София, посмотри на меня, — строго потребовала мама, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Ну... — замялась я. — Мне придется ненадолго уехать. Я вызвалась поехать на работу в Хальмер. Сегодня на нашей базе был представитель местной администрации — они искали добровольцев. Работа вахтовая, всего на месяц. Зато платить будут вдвое больше.

Говоря это, я ощущала лёгкое волнение, но лгать оказалось удивительно легко. Мама растерялась. В нашем городке действительно бывали случаи вахтового трудоустройства, но для рабочих третьего или четвертого разряда это было редкостью.

— Прямо сейчас, Софи? — она нахмурилась. — Но твой разряд... разве они берут таких молодых?

— Сказали, людей не хватает, — я старалась звучать уверенно. — Авансом прислали врача. Ты же видишь, какой он специалист? Я не могла отказаться, мам. Это наш шанс.

Я ещё раз взглянула на неё. Взгляд мамы был странным, слегка стеклянным — таким он бывает у посетителей бара после нескольких лишних кружек пива: рассеянный, ленивый, скользкий мимо реальности.

— Мам, ты в порядке? — спросила я тихо.

— Да, милая, я отлично себя чувствую, — она слабо улыбнулась. — Немного кружится голова, но доктор сказал, что это нормально. Посплю — и всё пройдет.

Я всматривалась в её лицо, пытаюсь унять дрожь. Её «захмелевшее» состояние было мне даже на руку — меньше вопросов, меньше слёз, — но тревога всё равно сдавливала сердце, глухо и упрямо.

— Сейчас у меня совсем нет времени всё объяснять, — торопливо добавила я. — Нужно успеть собраться. Не беспокойся, мама. Теперь всё будет хорошо.

Я лихорадочно забросала в рюкзак самое необходимое. Поцеловала её в висок, пахнувший лекарствами, и оставила на тумбочке все свои накопленные кроны — заработок из бара и с полей. Выбежала из квартиры, не оборачиваясь.

В машину я села почти с вызовом, громко хлопнув дверью. Раздражённо скрестила руки на груди и уставилась в окно, демонстративно игнорируя Адама. Он промолчал, лишь аккуратно переложил рюкзак с моих коленей на заднее сиденье, завёл мотор, и мы тронулись.

Мы направлялись в восточную часть города. За сегодняшний день я выгорела дотла — шок, страх и радость сменились глухой апатией. Я прижалась лбом к холодному стеклу, равнодушно наблюдая за тем, как знакомые улицы остаются позади.

Автомобиль плавно остановился у массивных ворот военного ангара, скрытого на территории закрытого ведомства. Всё здесь дышало угрозой и тайной. Эта зона находилась под неусыпной охраной администрации; даже среди подростков это место считалось табу, и я никогда не думала, что окажусь здесь по своей воле.

— Идём, — сказал Адам, забирая мой рюкзак.

Я молча кивнула и пошла вслед за ним.

У ворот нас встретили двое солдат Воронды. Пройдя внутрь, я заметила, что их здесь куда больше, чем требовалось. Странно — войны нет, охранять особо некого, а всё вокруг буквально кишело военными. Это казалось нелепой тратой ресурсов.

Мы шли мимо длинных стеллажей, накрытых плотной серой тканью. Тяжёлые полотна свисали почти до самого пола, скрывая содержимое, но кое-где ткань задралась, будто её накиннули второпях. Из-под одного края выглядывал угол массивного металлического ящика. Поперёк корпуса тянулась широкая жёлтая лента с гладким блеском, обмотанная в несколько слоёв и стянутая чёрными креплениями. На соседнем стеллаже под тканью угадывались такие же прямоугольные формы — одинаковые, аккуратно расставленные.

Я вертела головой, изучая пространство. Любопытство жгло изнутри: что там прячут? И зачем столько охраны? Интересно, если я приподниму край повыше и загляну... он заметит?

Я едва успела об этом подумать, как Адам остановился и распахнул перед собой дверь.

— Адам, я могу задать вопрос? — решила я.

Он посмотрел на меня с легкой усмешкой.

— Сначала ты ответь мне. Откуда ты вообще знаешь мое имя?

Я на мгновение замялась, но скрывать это не было смысла.

— Услышала в баре. После того как ты ушел... Люди говорили.

Адам тихо хмыкнул.

— Я так и думал, Ладно, спрашивай.

Не давая ему передумать, я выпалила самое главное:

— Скажи честно: то, что мне предстоит — это безопасно? Какова вероятность, что я вернусь домой?

Его взгляд мгновенно стал серьёзным. Он молчал около минуты, прежде чем ответить:

— Я не уверен, что это безопасно. Но Александр Вебер славится репутацией защитника слабых, голодных и обездоленных. Он не станет убивать невинную девчонку. Город, куда ты

отправишься, полон дикарей: одни находят там временное убежище, другие — постоянную крышу, кто-то — просто работу.

Он сделал паузу, подбирая слова.

— Безопасность там — вещь относительная. Всё зависит от того, как быстро ты научишься слушать и не болтать лишнего. Если будешь осторожна — вернёшься. Если нет... — он не закончил, лишь пожав плечами.

Я поняла этот жест лучше любых слов. Но, по крайней мере, Адам не врал. Я это чувствовала.

— Говоришь так, будто бывал там, — заметила я.

Он проигнорировал мой вопрос, даже не взглянув в мою сторону.

— В семь часов вечера я передам тебя его людям. Они примут тебя за другого человека, — произнёс он ровно.

— Но... — озадаченно начала я.

— Молчи и слушай, — резко перебил Адам. — Пока не попадёшь в город — молчи. Поняла?

Я покачала головой.

— Ничего не поняла. Люди Вебера разве не знают, как выглядит тот человек?

Адам медленно взял стул, развернул его спинкой ко мне и сел напротив. Он долго и внимательно смотрел на меня, будто решал, стоит ли вообще тратить воздух на объяснения.

— Тебе не нужно это понимать, — сказал он наконец. — Твоя задача — попасть в Кудаго под чужим именем и не раскрыться до самого момента встречи с Вебером. Это всё. Дальнейшая твоя судьба будет зависеть только от того, как ты себя поведешь.

— Но что мне там делать? — не выдержала я. — В чем смысл? Должно же быть какое-то конкретное задание?

— Задание будет. — отрезал Адам, глядя мне в глаза. — Но если ты его и получишь, то сильно позже. В нужный момент. А до тех пор — чем меньше ты знаешь, тем безопаснее для тебя самой. Лишние знания в твоей голове — это риск сорваться и выдать себя. Твоя единственная цель — войти в город и стать там своей.

— Вы просто бросаете меня туда, даже не объяснив, зачем?

— Я объясняю тебе главное: если тебя раскроют до приезда а город — обратная дорога тебе заказана. А если продержишься до встречи с Вебером — тогда и поговорим о делах. Сейчас твоя работа — молчать и вести себя естественно. Поняла?

Я притихла, лихорадочно обдумывая его слова. Но получается, что когда меня доставят на место, Александр увидит, что я — не та, кто ему нужен, и просто отпустит. Тогда останется одна задача: выбраться из Кудаго и добраться до Воронды. Найду караван, договорюсь с торговцами за пару крон, и поминай как звали.

Я уже собиралась поделиться этими соображениями, но Адам, словно прочитав мои мысли, глубоко вздохнул. Он зажмурился и с силой надавил пальцами на переносицу, словно у него заболела голова, а затем медленно выдохнул:

— Ладно, цыпа. Начинаем заново. По порядку. Я объясняю — ты слушаешь и не перебиваешь.

Я едва заметно кивнула. Уверенность, ещё недавно владевшая мной, окончательно улетучилась, оставляя после себя тяжёлое чувство унылой безысходности.

Глава 3

Меня затолкнули в машину, и за глухо затонированными, перекрытыми стальными решётками стёклами сразу встала непроглядная чернота. Я оказалась намертво зажата на заднем сиденье между двумя фигурами, чьи безликие маски лишали их даже намёка на человечность, превращая в холодные статуи. В другой раз я бы обязательно съязвила и спросила, не трудно ли им дышать в этих штуках, но сейчас горло сдавило так сильно, что я едва могла протолкнуть в себя воздух — ирония отступила, уступив место тошнотворному, парализующему ужасу.

Было страшно до ледяного онемения в кончиках пальцев, до мелкой, унижительной дрожи в коленях, которую никак не удавалось унять. Паника колотилась в грудную клетку изнутри, и я едва сдерживала дикое желание рвануть ручку двери и закричать, пока не сорву голос, но заставляла себя мысленно повторять одну и ту же команду: «Нельзя. Дыши. Просто дыши». Я сама пошла на это ради матери, ради того, чтобы у нас появился хоть какой-то шанс, и теперь назад пути уже не было — только вперёд, в эту неизвестность, от которой болезненно ныло под рёбрами.

На коленях я мёртвой хваткой сжимала рюкзак, казавшийся непосильно тяжёлым, словно набитым придорожными камнями. Внутри лежали мои вещи — жалкие обрывки привычного, безопасного мира, который я, возможно, видела в последний раз, и от этой мысли в груди остро кольнуло. Я знала, что должна во что бы то ни стало вернуться, а для этого нужно просто перетерпеть этот кошмар, сжать зубы и выжить.

Мы ехали долго, пока внедорожники не свернули на грунтовку, плавный ход машины сменился на тряску, и вскоре тяжёлая машина замерла, с хрустом вминая мелкий гравий в сырую землю. Этот глухой звук остановки отозвался во мне пугающей ассоциацией с тишиной в зале прощания, которая обычно предшествует кремации, и я до конца не могла поверить, что всё происходит наяву. Снаружи явно что-то творилось, слышались шаги и приглушённые голоса, но я отчаянно, до резкой боли в висках не хотела этого знать, мысленно умоляя, чтобы про меня просто забыли.

Но дверь распахнулась, впуская в салон поток прохлады и жёсткую реальность.

Мужчина что сидел слева вышел, освобождая проход, но я продолжала сидеть неподвижно, оцепенело глядя перед собой и цепляясь за иллюзию, что это лишь затянувшийся дурной сон, пока в проёме не появился Адам.

— Вперёд, цыпа, твой выход, — бросил он и протянул руку.

Я вцепилась в его ладонь, как утопающий в спасительный круг, потому что ноги совсем не слушались, и сжала чужие пальцы почти до хруста, выдавая, как сильно меня лихорадит. В ответ Адам сомкнул хватку крепче, удерживая меня на весу, и когда я заставила себя поднять голову, мне на мгновение показалось, что в его глазах промелькнуло короткое, почти незаметное сожаление. От этого мимолётного проблеска человечности к горлу подступили слёзы, и мне захотелось разрыдаться прямо там, посреди дороги.

Наша группа застыла у края обочины, а метрах в двухстах напротив, на продуваемом всеми ветрами, безжизненном пустыре, стояла другая — куда более внушительная и опасная. Адам вскинул ладонь, и с той стороны ему ответили точно таким же жестом, отчего моё сердце пропустило удар и ухнуло куда-то вниз.

Он перехватил меня за предплечье и потащил вперёд, на середину дороги, где на открытом пространстве под прицелом десятков незнакомых глаз я почувствовала себя абсолютно беззащитной. Навстречу нам из дрожащего марева вели двоих мужчин с плотными мешками

на головах, и когда мы поравнялись, я в последний раз обернулась, ища хоть какую-то опору, но Коган лишь едва слышно бросил:

— Удачи, цыпочка.

Первым из встречающих шёл крупный молодой мужчина с тёмными волосами и суровым, сосредоточенным выражением лица. Подойдя вплотную, он решительно шагнул вперёд, заслонил меня своим телом от остальных и почти силой потащил в сторону стоявших наготове автомобилей.

— Анна, посмотрите на меня, — он остановился у передней машины и осторожно, но твердо повернул меня за плечи к себе.

Я подняла глаза и наткнулась на его тревожный, тёмный, почти чёрный взгляд.

— Вы в порядке? Вам нужна помощь?

В его голосе прозвучало столько искреннего, неподдельного участия, что мне мгновенно стало тошно от собственного вранья, и стыд обжёг изнутри, ядовито смешиваясь со страхом разоблачения.

— Нет... всё хорошо, спасибо, — пробормотала я, отворачиваясь в сторону и сильнее прижимая рюкзак к груди, чтобы скрыть дрожащие руки.

Меня подвели к огромному грузовику, совершенно не похожему ни на одну машину, что я видела прежде, — его угловатая, хищная форма казалась странной и пугающей. Я растерялась и невольно замедлила шаг, а мужчина тем временем отпустил мою руку, чтобы принять у кого-то из подошедших бойцов плотное шерстяное одеяло.

— Всё нормально? — спросил он, заметив моё замешательство.

— А что это вообще такое? — вырвалось у меня, и на мгновение я совершенно забыла обо всех предостережениях, разглядывая стального монстра.

— Броневик, — ответил он, хмурясь и распахивая тяжёлую стальную дверцу. — В Академии они выглядят иначе?

Чёрт. Я мысленно выругалась, чувствуя, как внутри всё заledenело от собственной глупости, и приказала себе собраться, чтобы тщательно взвешивать каждое слово.

Я молча забралась в душное нутро машины и приняла одеяло, стараясь больше не встречаться с ним взглядом.

— Меня зовут Томас, я заместитель вашего брата. Анна, хотите воды?

При слове «брат» моё сердце снова пропустило удар, и я представила, как он «обрадуется», когда увидит меня вместо своей настоящей сестры, окончательно понимая, что попала в ловушку. Я лишь покачала головой и сильнее вжалась в угол сиденья, мечтая раствориться в темноте.

— Отдохните, через пару часов вы будете дома.

Машина тронулась с места, и я откинулась на спинку, закрыла глаза и притворилась спящей, так как это казалось самым простым способом избежать новых опасных вопросов, а ровный, глубокий гул двигателя постепенно начал действовать усыпляюще.

Дорога казалась бесконечной, и по моим ощущениям мы ехали уже часа три, в течение которых я не размыкала век, хотя тревожные мысли не покидали меня ни на секунду. Раньше я ездила только на старых автобусах — шумных, дёрганых и насквозь пропитанных пылью, здесь же всё было иным, пугающе совершенным и плавным.

Что я скажу, когда этот обман вскроется? Адам ясно дал понять, что долго лгать не придётся, и подробно проинструктировал меня, когда и как рассказать правду о болезни матери. Он даже предложил подать всю ситуацию под другим соусом — будто меня шантажировали и я являюсь лишь заложницей обстоятельств, что, по его словам, значительно увеличивало шансы на выживание. Оставалось самое сложное — выполнить главное условие задания и убедить Александра оставить меня в своём городе, но как я ни старалась и какие варианты ни прокручивала в голове, нужного решения так и не находилось.

Когда автомобиль наконец остановился, сердце заколотилось о рёбра с новой силой. Я подтянула колени к груди и почти перестала дышать, напряжённо вслушиваясь в каждый шорох. Томас вышел, послышался хлопок тяжёлой двери, лязг задвигаемых замков, и внутри отсека стало тихо, но это оцепенение длилось недолго — раздался резкий щелчок, и створка снова распахнулась.

В салон вошёл пожилой мужчина лет шестидесяти, полностью седой, с жёстким, словно высеченным из дикого камня лицом. Несмотря на явный возраст, его осанка оставалась безупречной, а от самой фигуры исходило такое плотное ощущение безграничной власти, что воздух в тесном пространстве будто сжался, вытесняя остатки кислорода. Он мазнул по мне мгновенным, ледяным прищуром, от которого я невольно вжалась в обивку сиденья, желая провалиться сквозь пол и затем сразу же повернулся к Томасу указывая на меня пальцем, — Это не моя внучка.

«Ещё и дед? Да вы, блин, издеваетесь...» — мысленно застонала я.

Я увидела, как Томас заметно вздрогнул, будто от резкой пощёчины, и его лицо, ещё минуту назад полное искренней тревоги и тепла, стремительно изменилось. Он медленно повернулся в мою сторону, и у меня перехватило дыхание: доброжелательность испарилась, мышцы у челюсти жёстко зажались, а взгляд стал плоским и колючим, словно он смотрел не на испуганную девушку, а на копошащееся в грязи насекомое. Ничего не сказав, он молча отступил, пропуская старика назад, и вышел следом за ним, после чего дверь захлопнулась с тяжёлым, окончательным звуком, отрезая меня от мира.

Меня затрясло так сильно, что зубы начали выбивать дробь. Всё началось.

Я впиалась пальцами в грубую ткань рюкзака, стараясь унять внутреннюю дрожь, пока машина продолжала двигаться дальше в неизвестном направлении. Свернувшись в углу сиденья, я замерла, но прошло меньше часа, когда мы снова остановились, и после короткой паузы автомобиль въехал куда-то в глубь охраняемого периметра — судя по множеству поворотов и толчков, транспорт преодолевал преграды. Вскоре гул двигателя окончательно захлебнулся, оставив после себя давящую, звенящую тишину.

Минуты тянулись мучительно долго, тело затекло, а в горле поселилась невыносимая сухость. Страх постепенно сменялся тупым, изматывающим раздражением, потому что неизвестность опустошала сильнее паники, и казалось, что про меня просто забыли. Когда ожидание стало почти невыносимым, тишину разрезал резкий звук — кто-то снаружи со скрежетом отпирал засовы, и я быстро поднялась, уставившись на открывающуюся створку.

Дверь распахнулась, впуская поток холодного воздуха, и из полумрака огромного помещения прозвучал негромкий приказ:

— На выход.

Прямо перед машиной стояли люди в чёрной форме. В темноте их фигуры едва различались, сливаясь с окружающим мраком. Я шагнула к открытому проёму и спрыгнула вниз, на холодный бетонный пол. Ноги на мгновение подвели, и я едва удержала равновесие, и стоило мне коснуться земли, как один из них тут же подхватил мой рюкзак и выдернул его из рук.

Вокруг возвышались монолитные строения — мрачные серые кубы, лишённые окон на нижних ярусах. Мы направлялись к одному из входов, и в свете редких фонарей их стены казались ещё более безжизненными. В первый момент я даже не почувствовала особой разницы с Ворондой: те же серые здания, те же строгие линии и ощущение замкнутого пространства. Разве что здесь всё выглядело более чужим и заброшенным.

В лёгкой футболке стало ощутимо прохладно, и я с запоздалым раздражением подумала, что надо было взять кофту. Пытаясь унять дрожь, я втягивала плечи от холодных сквозняков, гуляющих между зданиями.

Меня вели всё дальше по пустым, гулким коридорам, пока конвой не остановился у не приметной двери с крошечным смотровым окном, за которой оказалась тесная допросная

комната с голым столом и двумя стульями. Меня усадили на один из них, и резкий щелчок наручников отозвался в ушах оглушительным грохотом, отчего пульс участился, а в висках тяжело застучала кровь.

Я снова погрузилась в ожидание, но всё это время упорно молчала, не задавая вопросов и не требуя объяснений, понимая, что в моей ситуации любая претензия выглядела бы глупо. Я ясно осознавала, что моя первая задача — просто выжить, а вторая — убедить их в своей невиновности, выставив себя беззащитной жертвой, которую использовали в чужой игре, а значит, нужно оставаться тихой и разумной.

Спустя вечность в кабинет вошёл Томас и коротко бросил конвоирам:

— Оставьте нас.

Когда за ними закрылась дверь, Томас около минуты изучал меня тяжёлым, немигающим прищуром, который не сулил ничего хорошего. Затем он медленно сложил руки на столе в замок и прямо спросил:

— Кто ты?

Я не успела и рта открыть, чтобы вывалить на него заготовленную речь, как он остановил меня жёстким, предупреждающим жестом.

— Хочу, чтобы ты понимала: ты можешь рассказать правду сразу, либо мы проведём ряд максимально неприятных процедур — и ты всё равно её расскажешь, так что выбор за тобой.

— Я предпочитаю рассказать всё сразу, — ответила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Его лицо на мгновение расслабилось, плечи едва заметно опустились, и он небрежно махнул рукой, словно приглашая меня к исповеди:

— Ну, начинай.

Я торопливо рассказала всё, что помнила, подробно объяснила своё отчаянное положение и упомянула пару проверяемых мелочей из детства, уложившись примерно в пятнадцать минут. Следующие полтора часа мне пришлось терпеть изнуряющие, часто повторяющиеся вопросы, и за это время я успела дважды разрыдаться от бессилия, трижды разозлиться, один раз открыто послать его и теперь уже десять минут обречённо молчала, отвернувшись к голой стене.

Томас тяжело вздохнул, поднялся со своего места, и буквально через секунду на столе рядом со мной появились стакан чистой воды и салфетка. Он подошёл сзади и негромко отстегнул наручники, от которых руки уже порядком затекли, и хотя пить хотелось невероятно сильно, ещё хуже было плакать со скованными за спиной запястьями. Я сначала торопливо привела в порядок лицо и лишь потом осушила стакан.

Вдруг в тишине коридора раздался громкий, раздражённый голос, заставивший Томаса резко вскочить и рвануть к выходу.

— Какого чёрта она тут делает?! — яростно орал кто-то прямо за дверью.

Томас попытался успокоить собеседника, перейдя на тихий тон:

— Алекс, нам бы сначала поговорить...

Но его бесцеремонно перебивали снова и снова:

— Да о чём вообще разговаривать?! Ты допрашиваешь мою сестру? У тебя что, совсем крыша съехала?!

Гнев незнакомца ощущался даже сквозь плотное дерево, и каждый его звук был буквально пропитан слепой яростью, на которую Томас спокойно ответил своим холодным и ровным голосом:

— Всё далеко не так...

Снаружи послышались странные звуки, похожие на короткую борьбу, и в следующий миг дверь распахнулась настежь, впуская в комнату парня лет двадцати пяти с растрёпанными

светлыми волосами и выразительными голубыми глазами. Увидев меня, он мгновенно изменился, и его первоначальное недоумение тут же сменилось новой вспышкой гнева.

«А вот и брат, — пульс испуганно застучал где-то в самом горле. — Всё, сейчас он оторвёт мне голову, и Томас вряд ли станет его останавливать. Рано я, конечно, плакать начала, вот сейчас самое время для настоящей истерики».

— Кто ты, на хрен, такая?! — выплюнул он, и на его резко очерченных скулах заходили желваки.

— Алекс, успокойся, — не повышая голоса, попросил Томас, закрывая за ним дверь.

Но парень его будто не слышал — он подошёл вплотную и навис надо мной, перекрывая свет потолочных ламп. Его дыхание было тяжёлым и сбивчивым, всё тело казалось натянутым, как струна, а в расширенных зрачках читались пополам страх и дикая, неуправляемая ярость.

— Ты кто такая?! — снова взорвался он, глядя на меня с такой глубокой болью, будто я лично лишила его чего-то бесценного.

Я сидела, вжавшись в жёсткую спинку стула, и тупо смотрела на него, чувствуя, как все слова и мысли в моей голове превращаются в сплошной белый шум. Не добившись ответа, он резко развернулся, сделал шаг к Томасу и с силой сгрёб ткань его футболки у самого горла.

— Объясни, мать твою, что здесь происходит?! — прорычал он, и вена на его виске пульсировала в такт бешеному ритму сердца. — Где Анна? Где моя сестра?!

— Мы не знаем, — голос Томаса прозвучал сухо и абсолютно бесцветно. — Возможно, Романо блефовал, когда сказал, что она у него, но мы её найдем, я тебе обещаю. Слышишь?

Он твёрдо накрыл ладонями плечи парня и повторил это несколько раз, буквально вбивая каждое слово, так что даже я, посторонняя, невольно поверила, что этот человек вывернет мир наизнанку, но найдёт пропавшую девушку.

— А эта тогда кто? И почему она здесь? — Алекс наконец выпустил воротник Томаса и обернулся ко мне, причём ярость в его тоне сменилась ледяным, брезгливым любопытством.

— София. Виктор подsunул её вместо Анны, сейчас я её допрашиваю, и в целом мы уже начали понимать друг друга, хотя пара вопросов у меня ещё осталась, — бросил Томас, не глядя ни на кого конкретно.

Алекс замолчал и теперь просто разглядывал меня — медленно, бесцеремонно, словно сомневался, человек ли перед ним находится.

— Если ты сразу понял, что это подмена, начерта ты притащил её сюда? — спросил он уже тише, но не отводя пристального, давящего взгляда.

— Я не знал, — отрезал Томас. — Твой дед. Это он сразу сообщил, что она не его внучка.

Лицо Алекса на мгновение окаменело, а затем его буквально перекосило от осознания масштаба катастрофы.

— Ты сообщил Орлову?! — его голос сорвался на хриплый, надрывный рык. — Ты думал, что это Анна, и первым делом потащил её к деду? Ты вообще соображаешь, что делаешь? Ты должен был везти её ко мне, а ты сдал её старику!

Он снова дёрнулся к Томасу, но тот лишь сильнее сжал его плечи, гася эту опасную вспышку, после чего Алекс тяжело выдохнул и снова посмотрел на меня, качая головой.

— Если он её видел... почему она всё ещё дышит?

Томас неодобрительно посмотрел на друга, но Алекс, казалось, даже не заметил этого жеста — они продолжали вести себя так, словно меня в этой комнате уже не существовало.

Между тем фамилия «Орлов» неожиданно отозвалась тревожным эхом в моей памяти, ведь имена основателей Совета нам вдальбливали с самого детства, как священную молитву. Если этот Алекс является внуком самого Орлова, а Анна — его родная сестра, то что они вообще делают здесь, вдали от Хельмера, где проживают все высшие семьи?

«Алекс... — внутри у меня всё похолодело от страшной догадки. — Это же не Александр? Нет-нет, только бы не это».

Если в Кудаго на самом деле правит внук члена Совета, то я оказалась в полной, беспросветной заднице, ведь этот город всегда считался свободным, а тут получалось, что руки Совета дотянулись и сюда. До меня мгновенно дошло, что в моем нынешнем положении подобная осведомленность приравнивается к смертному приговору, и я испуганно подумала, зачем он вообще ляпнул это при мне — если они поймут, что я всё сообразила, меня никто не выпустит отсюда живой. Или он сказал это специально, прекрасно понимая, что живой я отсюда уже всё равно не выйду?

Понимание накрыло меня новой волной паники: стены комнаты будто поплыли перед глазами, а ужас сжал лёгкие так сильно, что дышать стало абсолютно нечем. Если бы я не сидела в этот момент на стуле, то точно рухнула бы на пол.

— С тобой всё в порядке?

Сквозь нарастающий гул в ушах голос Томаса прозвучал едва различимым, далёким шёпотом, и я честно пыталась ухватиться за смысл его слов, чтобы вернуть контроль, но сознание предательски соскользнуло в глухую темноту.

Пришла в себя резко — от ледяного, обжигающего шока. Холодная вода ручьями стекала по лицу, попадая в рот и нос, заставляя судорожно хватать воздух. Но нужно отдать должное засранцу, сознание и возможность мыслить ясно возвращались, Алекс с силой поставил пустой стакан на стол. От этого звука я вздрогнула, обнаружив, что теперь он сидит прямо передо мной, заняв место Томаса.

Я провела рукой по лицу, стирая капли, пока мокрая футболка неприятно липла к телу, а озноб бил такой сильный, что зубы стучали. Александр устроился на стуле предельно расслабленно: закинул ноги на стол, скрестил их в лодыжках и уставился на меня в упор, ожидая, пока я окончательно приду в себя, но в его прищуре не было ни капли жалости — только холодное желание прикончить меня прямо здесь.

— Рассказывай. Кто ты и зачем ты здесь?

Я окончательно растерялась, не имея понятия, как вести себя с человеком, который только что окатил меня водой и смотрит так, будто уже выбрал место для моего сожжения, поэтому быстро бросила взгляд на Томаса в поисках хоть какой-то поддержки.

— Повтори всё, что говорила мне, — спокойно приказал заместитель.

Опустив голову и уставившись в грязный пол, я торопливо пересказала свою историю про Адама, про шантаж и про больную мать, стараясь говорить чётко и честно, как обычная девчонка, которой не повезло оказаться не в то время не в том месте. Я молилась только об одном: чтобы за моей естественной дрожью от холода они не разглядели настоящий, парализующий страх.

Когда я закончила, в комнате повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Томас медленно качал головой с полным недоверием, а Александр просто запрокинул голову и шумно выдохнул, уставившись в серый потолок.

— Это полный бред! — выплюнул он, и его слова сочились чистым ядом. — Зачем Романо заставлять тебя, если он мог просто попросить? Твоя больная мать — идеальный повод для честной сделки, ведь её уже начали лечить, верно?

Он резко сбросил ноги со стола и подался всем телом вперёд, почти вплотную приблизившись к моему лицу.

— Отвечай, зачем принуждать, когда можно было просто договориться? И это ведь явно не единственная его просьба, так?

Я невольно зажмурилась, потому что паника мешала соображать, а горло словно забило сухой ватой — он был абсолютно прав, они всё поняли. Горячие слёзы покатились по щекам, дыхание сбилось, и я едва сдерживала глухие всхлипы, пока Томас резко не вмешался в допрос:

— Хватит!

Александр тут же отстранился и вернулся в прежнюю расслабленную позу, бросив на меня короткий жест, полный глубокого презрения.

— Романо хотел совершить официальный обмен и вернуть своих людей, — заговорил Томас, теперь его звучал ровно, почти буднично. — Так или иначе, София, всё равно оказалась бы здесь, а болезнь ее матери лишь упростила ему задачу. В вашем городе ведь не так много светловолосых девушек твоего возраста, насколько мне известно, у вас преобладает тёмная масть.

Я молча кивнула, понимая, что сил на новые оправдания у меня просто не осталось. В голове монотонно гудело, конечности окончательно онемели от холода, и мне стало абсолютно всё равно на Совет, на Кудаго и на то, что будет дальше — осталось только одно непреодолимое желание упасть на подушку и забыться глубоким сном.

— София, — Томас внимательно посмотрел на меня. — Я спрошу тебя в последний раз, и если тебе поручили что-то ещё, лучше сказать об этом прямо сейчас. Если потом выяснится, что ты соврала...

Он на секунду замолчал, и его тон стал абсолютно ледяным.

— ...я убью тебя лично, — закончил он глухо.

— Всё правда... честное слово, больше ничего нет, — выдохнула я.

Томас лишь нахмурился ещё сильнее, внимательно изучая моё лицо в попытке поймать на лжи.

— Это твой единственный шанс, запомни, — жёстко отрезал он.

— Добро пожаловать в Кудаго, пупсик, — мрачно и с издёвкой добавил Алекс.

— Что со мной будет? — спросила я, не поднимая головы. — Меня не убьют?

— Не обещаю, — мгновенно отозвался Александр, и когда я посмотрела на него, то увидела на его губах самодовольную ухмылку, заставившую меня подумать, какой же он кретин.

— Пока побудешь под присмотром, — Томас с силой ударил ладонью по двери, подавая сигнал охране. — Тебя отведут в комнату. Отдохни, а завтра мы решим, что с тобой делать.

В дверях тут же выросли двое охранников в чёрной форме.

— Проводить, — бросил Томас.

Я тяжело поднялась со стула и после короткой заминки выдавила из себя тихое «спасибо» — сама не поняла, зачем, то ли от пережитого шока, то ли просто по старой привычке.

Я покорно пошла за первым конвоиром, пока второй пристроился сзади, и они вывели меня на улицу в самую глушь ночи, где вокруг было совершенно пусто и лишь издали доносился глухой лай собак. Мы шли не больше десяти минут, пока не упёрлись в очередное серое здание — точно такое же безликое, как и то, где меня только что допрашивали.

Пока мы поднимались на второй этаж, я крутила головой, стараясь изучить новую обстановку, но слабый свет дохлой лампочки над лестницей едва выхватывал из темноты узкий коридор. Мы замерли перед белой дверью, слева от которой виднелись ещё четыре такие же, наглухо запёртые створки, за которыми, возможно, тоже кто-то сидел.

Мужчина, шедший впереди, молча распахнул дверь, и внутри всё оказалось предельно просто: в углу стояла заправленная кровать, над ней чернело маленькое окно с решёткой, а рядом располагались шкаф и стол. Воздух в комнате был почти таким же холодным, как и на улице.

— Сменная одежда в верхнем ящике, — донеслось из-за спины, после чего дверь с хлопком захлопнулась.

В указанном ящике действительно лежало несколько комплектов чёрных кофт и штанов, аккуратно упакованных в пакеты, среди которых быстро нашёлся и мой размер. Я бросила одежду на кровать и присела на край, чувствуя, что сил нет даже на то, чтобы переодеться, поэтому просто подтянула колени к груди, завалилась на бок и моментально провалилась в сон.

Проснулась я от того, что мои зубы снова начали бешено стучать, ведь в комнате было так холодно, что я мысленно обругала себя за глупость и за то, что сразу не залезла под тёплое одеяло. Скинув кроссовки, я торопливо нырнула под плед, сжалась в плотный комок и замерла — постепенно тело согрелось, дрожь ушла, но сон обратно уже не возвращался.

Пролежав так около часа, я поднялась, заметив, что за окном наконец начало светлеть, и забралась с ногами на кровать, чтобы выглянуть наружу. Серые бетонные здания стояли вперемешку с какими-то яркими пристройками, сплошь облепленными разноцветными надписями. Между домами тянулись спутанные, провисшие провода, на которых трепыхались обрывки цветной ткани, а перед фасадами зеленели сочные, почти агрессивные лужайки, утыканные хаотичными пятнами цветов. Они росли густо и вперемешку, словно кто-то просто выплеснул ведро семян в сырую землю, создавая яркий, живой бардак, совершенно не похожий на унылые, пыльные и пустые улицы нашего родного города.

Спрыгнув на пол, я осмотрелась и нашла на столе бутылку с водой, а в ящике — пачку простого печенья, от вида которого желудок тут же мучительно свело. Я торопливо жевала сухие галеты, запивая их водой, и мерила шагами комнату, а когда подошла к двери и осторожно дёрнула ручку, то убедилась, что она по-прежнему заперта.

Я снова легла на кровать и уставилась в потолок, чувствуя, как дико осознавать, что вся моя прошлая, привычная жизнь испарилась всего за одну ночь. Но если быть до конца честной с самой собой — за что я там так сильно цеплялась? За обречённое, мучительное ожидание смерти больной матери или за бесконечную, тяжёлую работу в поле, где из-за бесконечной кукурузы не было видно горизонта? Моё будущее в Воронде было расписано на годы вперёд, и в нём никогда не оставалось места для меня самой — только вечный долг и выживание. Возможно, со временем я бы встретила кого-то, но в нашем городе я знала абсолютно всех парней, и их судьбы были так же предсказуемы, как ежегодная смена сезонов. Был Ян — добрый, надёжный, но, глядя на него, я видела лишь отражение своего собственного жизненного тупика.

Что теперь будет со мной? Наверное, меня всё же не убьют — иначе это случилось бы ещё вчера, а пока всё шло почти терпимо. Как только я заставила себя принять эти вынужденные «плюсы», внутреннее напряжение наконец начало отпускать, и тело обмякло, но резкий звук ключа в замке заставил меня подскочить на месте. Желудок снова скрутило, так как галеты провалились в него, как в бездну, не оставив и следа, но больше всего меня бесило другое — никто из них даже не подумал о том, что мне элементарно нужно в туалет. Это унижительное невнимание к базовым человеческим нуждам злило меня сейчас гораздо сильнее, чем сам факт плена.

Когда в дверях появился охранник, я не дала ему сказать и слова, резко спросив:

— Где здесь уборная?

Он на секунду завис, глядя на меня с явной растерянностью, но потом моргнул и молча кивнул на дверь напротив в коридоре, из чего стало ясно, что те загадочные запертые двери были всего лишь общим санузлом.

Оказавшись перед мутным зеркалом, я едва себя узнала, потому что вид у меня был по-настоящему паршивый. Я включила холодную воду, плеснула ею в лицо и попыталась хоть как-то пригладить всклокоченные волосы, но быстро бросила это занятие, решив: пусть смотрят и видят, до какого плачевного состояния они меня довели.

Я вышла из туалета с высоко поднятой головой, стараясь выглядеть решительнее, чем была на самом деле. Но стоило нам повернуть в сторону того самого вчерашнего корпуса, как вся моя напускная храбрость начала стремительно испаряться. Мы шли по абсолютно тому же пути, и внутри всё сжималось при одной только мысли, что меня снова вернут в ту комнату, назад, в пережитый кошмар. После вчерашнего допроса я уже не могла относиться к ней как к обычному помещению. Страх, давление и чувство полной беспомощности слишком глу-

боко врезались в память, оставив после себя след, который невозможно было просто взять и проигнорировать. Одной мысли о том, что мне снова придется переступить ее порог, хватало, чтобы сердце начинало колотиться, а тело предательски напрягалось.

— Простите, — обратилась я к конвоиру, который шёл первым, но он даже не повёл плечом.

Я обернулась ко второму в надежде хоть что-то прояснить, но и он оставил мой вопрос без ответа. Оба мужчины двигались с холодным, почти механическим безразличием, словно сопровождали не человека, а бездушный груз. С досадой отвернувшись, я молча продолжила идти между ними.

Когда впереди показалось вчерашнее здание, внутри снова поднялась тревога. Я была уверена, что меня ведут обратно в ту комнату, но, к моему удивлению, конвоиры свернули в другой, более светлый коридор и остановились у тяжёлой тёмной двери. Один из них коротко постучал, дождался спокойного:

— Войдите.

После этого он молча открыл дверь, пропуская меня внутрь.

Это был просторный рабочий кабинет, совершенно не похожий на роскошные апартаменты нашего Главы: здесь не было панорамных окон — только два узких прямоугольника под самым потолком, из которых сочился тусклый дневной свет. Стены давили своим голым серым оттенком, а из немногочисленной мебели присутствовали массивный деревянный стол, железный шкаф и тёмный диван, небрежно накрытый шерстяным пледом.

Томас сидел в глубоком кресле и что-то быстро писал, но заметив моё появление, он сразу поднялся.

— Свободны, — бросил он стоящим в дверях охранникам и перевёл взгляд на меня. — Садитесь, София.

Я осторожно опустилась на самый край дивана, из последних сил стараясь не выдать внутреннюю дрожь, потому что от этого человека исходила тяжёлая, подавляющая сила, и каждое его движение выдавало многолетнюю привычку к абсолютной власти. Он выглядел внушительно даже в этой пустой комнате, и мне невольно вспомнился Уго, который всегда говорил, что по-настоящему опасные люди никогда не суетятся по пустякам.

Томас облокотился на край стола, сцепив пальцы в замок, и посмотрел мне прямо в глаза.

— София, давайте на чистоту: если вы всё ещё что-то скрываете от нас, сейчас самое подходящее время рассказать правду, и я обещаю, что мы сможем всё решить. Но если вы промолчите и ложь вскроется позже — помочь я вам уже ничем не смогу.

Я на секунду отвела взгляд в сторону, но тут же разозлилась на собственную слабость, понимая, что нельзя давать ему почувствовать моё замешательство.

— Мне абсолютно нечего добавить, — твёрдо отчеканила я, снова посмотрев на него. — Я всё честно рассказала вчера.

Между его густых бровей пролегла глубокая, задумчивая складка, и он замолчал, долго изучая моё лицо, словно пытался прочесть скрытые мысли прямо под кожей, а затем вновь заговорил:

— Мы приняли окончательное решение, София. Вы останетесь здесь, и отныне вы — гостя Кудаго.

— Вы хотели сказать — пленница? — спокойно уточнила я, стараясь подражать его холодному, уверенному тону. — Ведь мои возможности здесь явно будут сильно ограничены.

— Я сказал ровно то, что хотел сказать.

— Но зачем? — я постаралась придать своему голосу оттенок искреннего удивления. — Почему просто не вышвырнуть меня обратно или не вернуть домой?

— У нас на это свои причины, и обсуждать их с вами я не намерен, — отрезал он. — Лучше скажите, о каких именно «возможностях» вы так сильно печетесь?

Я на мгновение замялась, слегка склонив голову набок.

— Даже не знаю... Элементарная свобода передвижения, какая-то работа. Мне бы очень хотелось увидеть сам город, ведь я впервые выбралась за пределы Воронды, и здесь всё кажется безумно интересным.

Я опустила взгляд на пол, собирая мысли, а потом снова открыто посмотрела на него.

— О вашем городе у нас почти ничего не знают, а у вас тут... — я едва не запнулась, — живут дикие люди и у них совсем другая жизнь. Мне бы хотелось увидеть её, а не просто сидеть под замком в четырёх стенах.

Я бросила на него самый жалобный взгляд из своего арсенала, который на Уго всегда действовал безотказно, и на долю секунды мне показалось, что в глазах Томаса мелькнуло что-то похожее на понимающую улыбку, но он тут же посерьёзnel.

— А может, в этом и заключается ваш истинный план? — проговорил он с едва заметной издевкой. — Остаться здесь под благовидным предлогом и устроить нам какую-нибудь пакость?

Сердце на миг испуганно сжалось, но тут же пришло чёткое осознание, что он не обвиняет меня всерьёз, а просто издевается, поэтому я картинно прикусила губу и демонстративно отвела глаза в сторону.

— Я не могла знать, что вы решите оставить меня в городе, — бросила я, отвернувшись к окну. — Как не могла знать и того, что для этого найдутся какие-то скрытые причины.

— Первое, что вам нужно твёрдо запомнить, София, — Томас протянул руку и взял со стола тяжёлую рацию, — люди, живущие здесь, называют себя свободными.

Осознание собственной глупости ударило меня мгновенно: я вспомнила свои недавние слова и резко развернулась, наткнувшись на его жёсткий взгляд, лишённый даже намёка на прежнее тепло. Моя кокетливая манера, ещё мгновение назад казавшаяся уместной, теперь выглядела жалко и совершенно не к месту.

— Зайди, — резко скомандовал он в динамик.

Дверь открылась почти сразу, и в кабинет вошла молодая девушка. В глаза сразу бросились её ярко-синие волосы, волнами спускавшиеся до середины спины. Тонкие косички у висков открывали ухо, сплошь усыпанное серебряными серьгами. Лицо у неё было красивым, но жёсткие скулы и внимательный взгляд лишали его мягкости.

Пока она шла, я невольно следила за её движениями. Не знаю почему, я всегда это делаю. Она двигалась быстро и резко, без лишних жестов, будто точно знала, что делает. И было в этом что-то, от чего мне стало не по себе.

Я поймала себя на том, что разглядываю её слишком долго, и поспешно отвернулась, но Томас заметил моё смущение, и маска равнодушия на его лице на секунду дрогнула, сменившись выражением хищного удовлетворения.

— Познакомьтесь, София, — произнёс он, кивая на вошедшую. — Это Дария. Некоторое время она будет находиться рядом с вами, покажет город и подробно расскажет, как здесь всё устроено.

Глава 4

Лицо Дарии казалось каменным — холодным и абсолютно неподвижным. Ни одной эмоции. Она развернулась и пошла к выходу, даже не оглядываясь. Я на секунду замерла, переводя взгляд на Томаса.

— То есть... я могу просто уйти? Прямо сейчас?

Я не верила своим ушам. Он что, вот так просто меня отпускает? Быть не может. Томас поднял на меня свои черные глаза, и я готова была поклясться: злости там больше не было. Только снисходительность и какое-то любопытство. Он ведь меня не разыгрывает, верно?

— Да, вы можете встать и уйти. Или хотите остаться? — он приподнял бровь, разглядывая меня с каким-то странным выражением.

Дважды повторять не пришлось. Я сорвалась с дивана и почти выбежала из кабинета. Дария ждала в коридоре, прислонившись к стене и нервно отстукивая по ней носком ботинка. По ней было видно, как её бесит эта заминка. Стоило мне показаться, она тут же рванула вперед, и мне пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать.

Сначала меня просто накрыло облегчением. Свободна! Я шла по коридорам и до конца не могла поверить в такую удачу. Меня не заперли в камере, не выставили за ворота, а просто отпустили. Да ещё и проводника дали.

Я покосилась на спину Дарии. Ну ладно, скорее всего, она тут в роли конвоира — чтобы я не сунула нос куда не следует или не сбежала. Но она всё-таки человек. И, что самое главное, местная. Она знает здесь каждый угол, а значит, сможет мне всё показать. Если я, конечно, сумею её к себе расположить.

Я даже сбилась с шага, судорожно пытаюсь сообразить, с чего начать разговор. Раз уж мне достался такой «сопровождающий», надо выжать из ситуации максимум.

Первое здание, куда мы пришли, на мое счастье оказалось столовой. В желудке за последние сутки не было почти ничего, мысли путались. Внутри было пусто. Всё это напомнило мне школьную столовую, только огромную — раз в десять больше.

— А где все? — спросила я. Это было первое, что пришло в голову.

— Завтрак закончился два часа назад, — буркнула Дария.

— Здесь всегда есть еда? — я оглядела бесконечные ряды пустых столов.

Дария посмотрела на меня так, будто я спросила, мокрая ли вода. Лицо её аж перекосило от непонимания.

— Это столовая! — почти рявкнула она.

Она зашла за стойку раздачи и с грохотом распахнула металлический шкафчик. Лязг был такой, что я невольно втянула голову в плечи.

— Значит, все здесь питаются? — уточнила я, присаживаясь за стол.

— Те, кто живет в общих блоках, приходят сюда. В корпусах кухонь нет, — Дария буквально швырнула передо мной тарелку.

От еды шел пар, и от этого запаха желудок болезненно сжался.

— Понятно...

— Славненько, — съязвила она.

Ида. Судя по всему, завоевывать её доверие я буду долго. Сейчас она меня едва терпела. Я принялась за еду, чувствуя, как с каждым куском возвращаются силы, а вместе с ними и наглость. Любопытство всё равно перевешивало страх.

— Могу я задать вопрос? — я помедлила. — Кто такой Томас?

Дария со звоном бросила ложку на стол и несколько секунд раздраженно сверлила меня взглядом.

— Командир, — отрезала она.

Я тут же опустила глаза в тарелку.

— Поняла. Видимо, ты не особо хочешь говорить.

Дария ничего не ответила. Она дождалась, пока я доем, и бросила:

— Идём.

Жилой сектор номер три оказался обычной общагой. В Воронде в такие места селили тех, кто не потянул квоту на нормальное жильё. Стать одной из таких было конечно паршиво, но хоть не камера.

Коридор тонул в полумраке. Из-за дверей несло всё подряд: чей-то хохот, ругань, топот. Люди мельтешили перед глазами, и от их вида меня подташнивало. Слишком яркие, слишком шумные, дерганные. В Воронде так себя не вели. Здесь всё было чужим: и то, как они размахивали руками, и то, как пялились на меня.

В воздухе висел тяжелый замес из гари, табака и какой-то дешевой цветочной воню. Я старалась смотреть только в затылок Дарии, чтобы не встречаться глазами с теми, кто меня разглядывал. Поток тел, лиц и запахов просто сбивал с толку.

— Сюда, — Дария кивнула вглубь коридора. — Смотри под ноги и не отсвечивай. Лишние глаза нам ни к чему.

Я молча двинулась следом, старалась дышать через раз. Глядя на прохожих, я кожей чувствовала, какая я здесь чужая. Всё вокруг было пропитано сумбуром, который в Воронде сочли бы невозможным, а здесь это явно считалось нормой.

Но стоило нам свернуть в следующее крыло, как я едва не споткнулась. Потолок и стены были завешены огромными полотнами ткани. Они свисали тяжелыми складками, колыхались от сквозняка и слепили глаза.

— Ого... — выдохнула я, замирая. — Это что такое?

Я никогда не видела столько цвета сразу. Глубокий индиго, ядовито-зеленый, какой-то безумный охристый. Мой мир всегда был функционально-серым или бежевым, а тут... цвета просто кричали. Непрактично до абсурда, но как же это было красиво.

— Красильщицы, — бросила Дария, даже не замедлив шаг. — В этом крыле живут бабы, которые возятся с пигментами. Оборудования у них нет, так что всё делают вручную. Их легко узнать, они вечно ходят с цветными руками по локоть.

Я проводила взглядом ярко-алое полотно. От него пахло чем-то терпким и кислым. Неве-
роятно.

Наконец мы дошли. В комнате я первым делом увидела свой рюкзак — он валялся на одной из кроватей. Я тут же бросилась к нему, едва сдерживаясь, чтобы не закричать. Быстро дернула молнию — всё на месте. Руки подрагивали: я до последнего боялась, что мои вещи выкинут или распотрошат, выискивая что-то запретное.

Я обернулась. Дария уже скинула свои ботинки прямо на пол и развалилась на второй кровати, закинув руки за голову. На её ногах красовались разноцветные носки — один в полоску, другой с каким-то нелепым пятнистым узором. Она лениво шевелила пальцами, и этот вид совершенно не вязался с её суровым образом.

Мои брови поползли вверх.

— Ты... останешься здесь? — выдавила я, пытаюсь совместить её суровый вид и эти детские носки.

— Нет, — лениво отозвалась она. — Просто пришла полежать и порадовать мир своим великолепием.

Я промолчала. В груди ворочалось странное чувство: вроде и радостно, что не одна, а вроде и какое-то разочарование, причину которого я пока не могла нащупать.

Потопталась у кровати, собираясь с духом, и всё же решилась:

— Слушай... а у вас тут как развлекаются? Ну, в свободное время.

Дария даже не шелохнулась. Всё так же сверлила глазами потолок.

— Никак, — бросила она. — Сегодня не прирезали — вот тебе и праздник. Ждем завтра, может, кто и решит устроить «концерт».

Я не сразу поняла, шутит она или нет.

— У нас в Воронде по пятницам показывали старое кино, — зачем-то добавила я. — Традиция такая. Мы всегда ходили...

В комнате стало очень тихо. Дария медленно повернула голову. Одна бровь у неё едва заметно дрогнула.

— Подожди... — она приподнялась на локте. — Ты сейчас серьёзно?

— Ну да, — я кивнула, чувствуя себя как-то неуютно. — А потом еще обсуждали всё.

Дария смотрела на меня пару секунд, словно пыталась разглядеть на моем лице признаки розыгрыша.

— И это всё? — уточнила она. — Твой пятничный «экстрим» — это смотреть старье и болтать о нём?

— Нам было интересно, — я чувствовала, как внутри закипает обида.

Она недоверчиво покосилась на меня. — Ты хоть понимаешь, что это звучит как наказание, а не отдых?

— А нам нравилось...

Дария снова повалилась на кровать и закинула руки за голову. — М-да... — пробормотала она. — Ну, тогда тебе тут точно будет на что посмотреть.

Я толкнула дверь в углу и обнаружила душ. Повернула кран, почти не надеясь на чудо, но пальцы тут же обожгло кипятком.

Через десять минут я вышла в комнату, вытирая волосы полотенцем. В голове наконец-то прояснилось.

— Там горячая вода, — я посмотрела на Дарию. — Удивительно.

Дария даже глаз не открыла.

— Это душ, — ровно отозвалась она. — В нём обычно бывает вода.

— В Воронде её давали по часам, — пояснила я. — И она редко была горячей.

Она наконец приоткрыла один глаз и смерила меня насмешливым взглядом.

— О да, атомизация общества — наслышана. Но ты не в Воронде, и проблем с кипятком тут нет. Так что не стой с таким лицом, будто увидела святой источник.

Я mogнула. «Атомизация»? Слово звучало как что-то очень сложное, но Дария уже отвернулась к стене, давая понять что, объяснять мне значение не собиралась.

С улицы доносился шум, и мне даже показалось, что я слышу детский смех. Сидеть в четырех стенах стало невыносимо, а судя по тому, что сказал Томас, она обязана была показать мне город.

— Я хочу посмотреть город, — я обернулась к ней. — Покажешь, что тут и где?

Дария страдальчески застонала, глухо выругалась в подушку и, к моему удивлению, начала натягивать ботинки.

— Экскурсия для блаженных иногородних. Мечта всей моей жизни.

Она встала, поправила куртку и кивнула на выход.

— Ладно, пошли. Но если додумаешься сунуться куда-нибудь без меня — я тебя придушу.

Город ошаршил меня с первого шага. Казалось, жизнь разом разделилась на «до» и «после». Всё, что было прежде, выцвело, превратилось в затянувшийся серый сон, а здесь реальность обрушилась со всей своей необузданностью. Воздух гудел, как натянутая струна, и каждый шаг отзывался внутри пугающим чувством.

Я шла, едва успевая крутить головой. Повсюду были яркие краски — дерзкие, кричащие, почти бесстыдные. И люди им под стать: от невероятно красивых до тех, на кого было страшно смотреть. Казалось, в этом месте никогда не слышали слова «умеренность».

— Постарайся не потерять дар речи, — лениво бросила Дария. — И слюни подбери, а то выглядишь как дикарка на ярмарке.

Мы вышли к огромной торговой площади. Горло перехватило. Бесконечные ряды лавок, горы странных механизмов, тряпья... Я не понимала назначения и половины вещей.

— Что это за место? — прошептала я.

— Это? «Костяной ряд». Здесь можно купить всё: от ржавого гвоздя до чьей-нибудь почки. Главное — держирот на замке. Здесь не любят тех, кто задает много вопросов. Да таких вообще нигде не любят. А ты, судя по всему, как раз из них.

Мимо проносили разноцветные парики и перья. В следующей лавке горой лежали инструменты. Дария кивнула на них, не замедляя шага:

— Фильтры. Вещь, особенно когда приходится хлебать воду из лужи. Остальное — просто дорогой хлам.

В центре площади торговали смесями. Мужчина в круглых очках с липкой улыбкой протянул мне что-то ароматное:

— Попробуй, ангел. Лучший лотос в городе.

Я замерла, вопросительно глядя на Дарию, и тут же получила осязаемый тычок в спину.

— Лучше не влюбляйся в этот город настолько, чтобы перестать соображать, — бросила она.

— А что будет, если попробовать? — я обернулась на торговца. Простое любопытство.

Дария остановилась и смерила меня тяжелым взглядом.

— Значит, в Воронде вас изолируют не только от мира, но и от инстинкта самосохранения. Город не познаётся через то, что может превратить тебя в овощ. Пока твоя жизнь — моя забота, ты эту дрянь не попробуешь. Даже не смотри в ту сторону.

Она зашагала дальше. Я пошла следом, стараясь не отставать. Дома всё было понятно: не кричи, не высывайся, делай что велят. К двадцати годам ты просто привыкаешь быть тихой и «удобной». Наверное, нас так воспитывали, чтобы жизнь была проще и порядок не нарушался. Я никогда и не думала, что может быть по-другому. Поразительно.

Здесь люди будто и не знали, что существуют границы. Жизнь из них просто перла — со всей грязью, криками и этими сумасшедшими цветами. Неужели можно вот так просто дышать и ни у кого не спрашивать дозволения? От одной только этой мысли — пугающей и странной — у меня внутри всё сладко ныло.

У лавки механика вспыхнула ссора. Крупный мужчина в грязном плаще ударил по прилавку так, что детали разлетелись.

— Ты подсунил мне хлам! — взревел он, нависая над щуплым продавцом. — Эта дрянь сохла через час!

Торговец лишь нагло усмехнулся:

— Когда ты уходил, всё работало. Монеты не возвращаются.

Здоровяк потянулся к тяжелому топору. Толпа подалась вперед, предвкушая кровь. Это было неправильно.

— Подождите! — выкрикнула я, прежде чем Дария успела среагировать.

Дария замерла так резко, будто врезалась в стену. Она медленно повернулась, и от взгляда её глаз мне стало не по себе. Но я уже сделала шаг вперед, обращаясь к расвишавшему верзиле:

— Вы завершили расчёт и приняли товар! Если поломка произошла в процессе эксплуатации, продавец не несёт ответственности после закрытия сделки! Должен же быть регламент!

Здоровяк медленно повернул голову в мою сторону. Толпа притихла. Даже торговец посмотрел на меня как на сумасшедшую.

Дария молча схватила меня за плечо и дернула назад с такой силой, что у меня щелкнула челюсть. Она заслонила меня спиной и что-то быстро бросила мужику на местном жаргоне — коротко и зло. Тот сплюнул, но топор опустил.

Когда она оттащила меня в сторону, её буквально трясло от злости.

— Ты... ты сейчас серьезно? — прошипела она, впиваясь пальцами в мои плечи. — Ты реально решила выступить в защиту прав потребителей в «Костяном ряду»? Перед мужиком, который собирался проломить череп этому пацану?

— Но это несправедливо! Сделка есть сделка. Нельзя применять силу везде где хочется. Есть ведь законы.

Дария смотрела на меня в полной тишине.

— Законы? — переспросила она шепотом. — Послушай меня, блаженная. Здесь закон — это у кого ствол длиннее или топор тяжелее. Ты сейчас чуть не сдохла за чужой корман. Этому торгашу плевать на тебя, он бы и глазом не моргнул, пока тебя размазывали по площади.

Она с силой толкнула меня вперед.

— Боги, во что я вляпалась... У тебя реально вместо мозгов промытая вата. Ты не просто тупая. Ты социально опасная. Еще раз откроешь рот — и я сама тебя пришибу. Позорище-то какое.

Мои плечи поникли. Всё то восхищение, с которым я глазела на город минуту назад, смыло, наполнив тело неприятной, тяжелой грустью. В голове сразу всплыл голос нашего Главного. Он ведь предупреждал. Твердил, что в этом месте живут одни дикари.

Неужели Виктор был прав? Мне до тошноты не хотелось в это верить. Но топор в руках того мужика и ярость Дарии подтверждали каждое его слово. Всё, чему меня учили дома, здесь выглядело какой-то нелепостью. Ошибкой, за которую я едва не заплатила головой.

— Значит, в этом месте вообще нет справедливости? — тихо спросила я.

Дария усмехнулась краем губ, даже не глядя на меня.

— Есть. Просто она редко совпадает с чьими-то ожиданиями.

Я на секунду задумалась, вспоминая наши улицы. Спокойные, тихие, где каждый был занят своим делом и соблюдал порядок.

— В Воронде такое просто невозможно, — глухо отозвалась я. — Там следят, чтобы люди были в безопасности.

— Знаю, — отрезала Дария. — Там за тебя думают правила. А здесь — только ты.

Она косо взглянула на меня. Злость в её глазах понемногу сменялась усталой насмешкой.

— А вообще, учитывая твоё желание употребить «лотос» и лезть в чужие разборки... мне начинает казаться, что сопровождать тебя — это отдельный вид героизма. Скажи, ты всегда подставляешь свою жопу или это твоя первая попытка суицида?

Я всё-таки улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Шутку про суицид я решила не комментировать.

— Значит, ты герой?

— Нет, — сухо ответила она, прибавляя шаг. — Мне просто за это хорошо платят.

Чем дальше мы отходили от торговой площади, тем тише становились улицы. Гул толпы растворялся позади, будто его отсекали невидимой стеной. Здания здесь приземистые, кривые, они лепились друг к другу без всякой логики, а лица прохожих всё чаще скрывались под капюшонами.

Мне становилось не по себе от этой обстановки. Прохожие почти не разговаривали — просто шли, уверенно и молча, глядя строго перед собой. Я невольно поймала себя на том, что тоже стараюсь не поднимать глаз, боясь случайно столкнуться с кем-нибудь взглядом.

— Мы уже близко, — бросила Дария, не оборачиваясь.

Я не стала спрашивать — к чему именно. После её слов о том, что местная справедливость редко совпадает с ожиданиями, я пыталась найти в этом хоть какой-то смысл. Истина ускользала, оставляя внутри только растерянность. Я молча следовала за спиной Дарии — сейчас она была моим единственным ориентиром в этом нагромождении чужих переулков.

Ещё два квартала, и мы остановились у здания с вывеской «Бешеный пёс». Она вызывающе била по глазам, умудряясь выделяться даже на фоне и без того кричащей улицы. Пёстрые лампочки мигали вразнобой, а оскаленная морда пса в рогатом шлеме смотрела на прохожих почти с ненавистью. «Ух ты... здесь даже вывески агрессивные, что уж говорить о людях», — пронеслось в мыслях.

Дария привычным движением толкнула дверь плечом.

Внутри оказался бар, но совсем не такой, как у Уго. Тот теперь казался чуть ли не уютным. Здесь всё было масштабнее, грубее и в разы громче. Столы стояли как попало, загромождая проходы, а справа тянулась бесконечная стойка, залитая густым тёплым светом.

Я замерла на пороге, оглушённая местными ароматами. Тяжёлый дух дешёвого пойла, едкий табачный дым и какие-то приторно-сладкие смеси, от которых мгновенно запершило в горле. И ещё что-то... неприятное, стойкое, отдающее нафталином и застарелым потом.

Едва мы успели сделать несколько шагов, как навстречу нам вышел пухлый человек невысокого роста с совершенно седыми, комично длинными усами. Он широко раскинул руки, и Дария без малейших колебаний шагнула в эти объятия.

— Дядюшка, — хмыкнула она, отстраняясь. — Гляжу, ты всё ещё на ногах.

— А ты всё такая же язва, — довольно рассмеялся он. — Я переживал за тебя, негодница. Ты в порядке?

Дария замялась, оставив вопрос без ответа, и он тут же переключил внимание на меня. Прищурился, бесцеремонно изучая с ног до головы. В его глазах вспыхнуло нескрываемое любопытство.

— А это кто такая? — он кивнул в мою сторону. — Не припомню, чтобы ты водила ко мне подружек... Неужели тоже охотница?

— Спокойно, — лениво бросила Дария. — Это София. Она из Воронды.

Мужик замер. Его брови медленно поползли вверх, а на лице расплылась широкая улыбка.

— Из Воронды? — он смачно хмыкнул, качая головой. — Ну надо же! Ну, зато выглядишь как человек, а не как местный попугай, — рассмеялся он.

Я не выдержала и тоже рассмеялась. После всего пережитого за день это сравнение показалось мне ужасно точным. Дария лишь фыркнула, выражая всё своё отношение к нашему внезапному единодушию, и картинно закатила глаза.

— Ну, проходите, — протянул дядюшка, отступая и делая приглашающий жест. — В моём заведении рады путникам из любых уголков.

Мы прошли вглубь зала. Свет от разноцветных лампочек мягко ложился на стены, стекал на лица людей и столы. Публика здесь, надо отметить, была куда опаснее той, что собиралась у Уго. Оружие висело на поясе каждого второго посетителя. И я была уверена: те, у кого его не было видно, на деле еще опаснее тех, кто выставлял его напоказ. В каждом движении этих людей чувствовалась какая-то хищная готовность.

— Он довольно милый, — шепнула я, стараясь держаться поближе к Дарии.

— Да, не чета своему брату, — пожалала она плечами. — Тебе повезло, ворондская, что дядя Грег уже умер. Поверь, он бы тебе так не улыбался.

— Перестань меня так называть, — попросила я, ощущая, как любопытство снова берет верх над страхом.

— Привыка-а-й, — протянула она, и уголок её губ едва заметно дёрнулся. — А что с ним было не так? — я едва поспевала за ней, стараясь не задеть плечом какого-то хмурого типа в кожаном жилете. — Почему мне «повезло»?

Дария остановилась у столика в самом углу, откуда просматривался почти весь зал. Она дождалась, пока я сяду напротив, и только тогда буднично, словно заказывала выпивку, ответила:

— Грег был их старшим братом. И он был работником.

У меня внутри всё похолодело. Торговля людьми... Значит, это всё-таки не пустые байки — здесь действительно торгуют людьми, как скотом. Дария же, напротив, выглядела пугающе спокойной. Она откинулась на спинку стула, совершенно расслабившись под моим ошарашенным взглядом.

— А... младший? — едва слышно спросила я, боясь того, что услышу. — Был кто-то ещё?

— Был, — отрезала она, и её взгляд стал совсем жестким, неживым. — Младшим был мой отец. И из всей этой семейки он был самой большой мразью. Так что... — она криво усмехнулась, — лучшие не всегда уходят первыми.

Я не успела ничего уточнить — к нашему столу подошёл Флинт, прижимая под мышкой потёртую бутылку. В руках он держал две тарелки с дымящимися рёбрышками. Их жирный, пряный аромат на мгновение вытеснил из головы мысли о невольничьих рынках.

— Так, красавицы, дальше обслуживаем себя сами, — проворчал он, выставляя ужин на стол. — Дария, сбегай-ка за стаканами и приборами. Живее.

— Я, значит, ещё и на побегушках, — буркнула она.

К моему удивлению, она не стала спорить, а послушно поднялась и ушла к барной стойке. Флинт проводил её взглядом, а затем снова посмотрел на меня. Его прищур теперь казался мне более тяжёлым — я невольно гадала, сколько грехов его братьев лежит на репутации этого заведения.

— Ты какая-то напряжённая, — заметил он, изучая моё лицо. — Если беспокоишься из-за местных, то не стоит. Пока ты с Дарией, к вам никто не сунется. Охотники здесь в особом почёте.

Я заставила себя вымученно улыбнуться.

— Просто... непривычно у вас здесь. Слишком много нового за один день.

Флинт чуть наклонился ко мне, понизив голос до заговорщицкого шепота:

— А с племяшкой-то ты где познакомилась?

Внутри что-то неприятно ёкнуло. Врать Флинту с первой же встречи совсем не хотелось, поэтому я выбрала безопасную полуправду:

— Здесь, в Кудаго. Томас попросил её помочь мне освоиться.

Флинт нахмурился, и его длинные усы поникли.

— Ты к нам насовсем, что ли? А чего ж он сам не показал город? Хотя куда ему... он и здесь-то стал реже появляться. Давно их с Сашенькой не видно.

— А они часто здесь бывают? — вырвалось у меня. Имя Александра заставило меня податься вперёд, забыв о рёбрышках.

Флинт усмехнулся и наклонился ещё ближе, почти касаясь моего плеча.

— Бывает, заскакивают. Но без имен, понимаешь? Никто из толпы не догадывается, что сидит рядом с самим Главой. Иначе замучат вопросами. Или чем подороже.

Он негромко хмыкнул, переключившись на других гостей и что-то крикнув им через зал, будто не сообщил мне ничего особенного. А у меня в голове уже бешено крутились мысли. Значит, Александра можно встретить в этом баре.

Это было куда лучше, чем официально напрашиваться к нему на аудиенцию — повода для такого визита у меня всё равно не было. Возможно, я смогу поговорить с ним прямо здесь.

Извинюсь за своё появление, попытаюсь объяснить, что я не виновата в том, как меня использовали... Он ведь Глава, он должен понимать, что выбора у меня просто не оставили.

Флинт в этот момент что-то продолжал рассказывать, но я слушала вполуха, погруженная в план. Однако следующие слова дядюшки заставили меня мгновенно вынырнуть из раздумий. Они оказались настоящим подарком.

— Помощница исчезла... рыжая стерва, — ворчал он, поправляя свои необъятные усы. — Ушла с очередным ухажёром, даже фартук не сняла. Вот теперь ищи новую по всему городу, а дел — невпроворот.

В этот момент я, сама от себя не ожидая такой прыти, резко поднялась со стула.

— Я могу! — почти выкрикнула я, перебивая шум за соседним столиком. — Я могу стать вашей новой помощницей.

Флинт замолчал и удивлённо вскинул брови. Он окинул меня коротким оценивающим взглядом, и на его лицо снова вернулась та самая насмешка.

— Ты? — протянул он, скептически поджимая губы. — Снова брать девчонку без мужика? Чтобы тебя через неделю тоже какой-нибудь хлыщ увёл? Нет уж, мне работать надо, а не кавалеров от стойки гонять. К тому же, посмотри на себя — тебя же первым сквозняком сдует, не говоря уже о пьяных клиентах.

Я уже открыла рот, чтобы начать горячо убеждать его в своей выносливости и аккуратности, но в этот момент к столу вернулась Дария. Она с грохотом поставила стаканы и приборы, переводя взгляд с моего решительного лица на озадаченного дядюшку.

— Что ты опять вычудила? — спросила она, складывая руки на груди.

— Я буду работать здесь, — спокойно, но уверенно повторила я, глядя прямо в глаза Флинту. — У меня есть опыт, я быстро учусь и, поверьте, я гораздо исполнительнее вашей прежней помощницы.

Дария издала короткий смешок, похожий на лай, а Флинт лишь крикнул, явно не зная, как реагировать на такой напор с моей стороны.

— Опыт? Это какой, прости? — Дария усмехнулась. — Ты ж кукурузница.

— Нет, — я качнула головой, удерживая её взгляд. — Не только. В Воронде я работала в баре у Уго. Почти год.

Я знала, что ложь — это риск, особенно здесь. Но я произнесла это так уверенно, что на мгновение сама поверила в этот придуманный год.

— И у меня всё отлично получалось, — добавила я.

Дария прищурилась, изучая моё лицо:

— Врёшь же.

— Нет, — твёрдо ответила я. — У меня точно получится. Лучше, чем у той, рыжей.

Флинт хмыкнул и снова оглядел меня с ног до головы, на этот раз с искренним интересом. Он хлопнул ладонью по столу так, что стаканы звякнули:

— Ну что ж... Ладно, девочка, попробуем. Считай, что ты в деле. Но учти — старый Флинт не терпит ленивых и брехливых. Начнёшь с сегодняшнего дня.

Я почувствовала, как внутри всё замерло — от страха и странного азарта. Пути назад больше не было. Дария наклонилась ко мне и прошептала на самое ухо:

— Зря ты это провернула за спиной у Томаса. Поверь, он очень не любит сюрпризы. Особенно такие.

— Но ты, я смотрю, не сильно против, — парировала я, глядя ей прямо в глаза.

Дария выразительно закатила глаза и фыркнула:

— Конечно, не против! Если дядюшка не найдет себе рабыню на кухню, он продолжит эксплуатировать меня. А мне, знаешь ли, есть чем заняться, кроме того как разносить тарелки этим оборванцам. Так что удачи.

Глава 5

Рёбрышки оказались на удивление вкусными, я ела быстро, стараясь лишний раз не смотреть на посетителей. Когда тарелки опустели, Флинт тяжело оперся о стойку и поманил меня пальцем. Дария, напротив, никуда не собиралась — она лишь лениво перетекла на высокий стул у бара, выудила откуда-то сухую соломинку и принялась сосредоточенно крутить её в пальцах. Всем своим видом она показывала, что работать сегодня не намерена.

— Слушай сюда, — пробасил Флинт, когда я подошла. — Раз уж назвалась груздем... У тебя три часа до вечернего наплыва. Надо привести всё в порядок. Пол, стойка, посуда, подсобка. Справишься — прекрасно. Нет — убирайся и не трать моё время.

— Справлюсь, — спокойно ответила я, хотя масштаб задачи немного давил на плечи.

Я прошла за стойку, отметив про себя, что ассортимент разноцветных бутылок здесь куда богаче, чем был у Уго. В Кудаго явно знали толк в выпивке. Флинт сунул мне в руки ведро и тяжелую черную тряпку. В мутном стекле стеллажа, заставленного алкоголем, едва заметно отразилось моё лицо — бледное, с растрепанными волосами, но удивительно собранное.

Я больше не чувствовала себя той испуганной девушкой, которую волокли через город. Теперь у меня была работа, и меня наполняла странная легкость, которую я раньше не ощущала.

— Старайся, София, — лениво протянула Дария, не отрываясь от своей соломинки. — Мне потом за тебя вкалывать лень.

— Тебе и за себя-то лень, — бросил Флинт, проходя мимо неё в подсобку.

Дария лишь фыркнула и поудобнее устроилась на стуле, закинув ногу на ногу. Я опустила тряпку в холодную воду, чувствуя, как шершавая поверхность ведра холодит пальцы. Ну что же, пора приступать к делу. Если я хочу когда-нибудь заговорить с Александром, начинать придется именно с этого.

Три часа до открытия пролетели как в тумане. Я терла, скоблила и вычищала, не давая себе времени на лишние мысли. Когда последние капли грязной воды исчезли в сливе, а стойка под моими руками начала едва заметно поблескивать в скудном свете ламп, Флинт вышел из подсобки и молча кивнул. Это было моим боевым крещением.

А затем двери распахнулись.

Люди хлынули внутрь нескончаемым потоком. Гул голосов мгновенно заполнил помещение, а запах дешевого виски и жареного мяса смешался с пыльным воздухом, ворвавшимся с улицы. Я едва успевала разносить заказы, лавируя между массивными столами, тяжелыми сапогами посетителей и жадными руками, тянущимися к подносу. Которые с каждым разом становились всё тяжелее, а вот мои шаги — медленнее.

В какой-то момент я перестала понимать, когда это кончится. Казалось, город решил выплеснуть в «Пса» и всю свою ярость и монеты.

Когда почти все столы, кроме одного — в самом дальнем углу за темными колоннами, — оказались заняты, а первая волна заказов наконец была раскидана, рядом со мной возникла Дария. Она выглядела вызывающе спокойной на фоне этого безумия.

— Ну что, «помощница», как тебе объем работы? — спросила она, наблюдая, как я пытаюсь восстановить дыхание.

Я уставилась на неё, чувствуя, как по спине стекает капля пота: — Я... я в шоке. Не представляла, что столько людей вообще могут одновременно ввалиться в одну дверь. Это безумие. Что ими движет?

Дария кивнула в сторону окна, за которым в сумерках уже загорелись факелы рыночной площади. — Пересменка. Первый этап ярмарки закрыт. Завтра на рассвете половина этих рож

исчезнет в пустошах. Сегодня они пропьют большую часть того, что заработали за месяц. А завтра торговать придут новые — с полными обозами и такие же жадные до выпивки. Так что это только начало, воронская.

Я перевела взгляд на шумную, живую толпу. Смеющиеся лица торговцев, опасные взгляды караванщиков, что травили друг другу хриплые байки. И почему-то в этом хаосе было что-то... невероятно притягательное.

К середине ночи бар перестал казаться беспорядочным. Его дикий ритм стал понятным. Гул голосов больше не давил — он превратился в фон, который вел меня за собой. Движения стали точнее. Я уже не задумывалась, где стоит нужная бутылка — руки сами находили и пузатый штоф, и узкое горлышко фирменного. Растерянность ушла, а разум сделался удивительно ясным.

Я справлялась. И эта мысль наполняла меня твердой гордостью.

В тот момент, когда внутренняя уверенность стала почти осязаемой, в зал вошёл мужчина. Глубокая тень от накидки скрывала половину его лица, но я узнала его раньше, чем успела разглядеть.

Он двигался без спешки, медленно рассекая толпу. Люди рядом инстинктивно понижали голоса и освобождали дорогу. Он прошёл через зал и направился к столу в глубине — тому, что весь вечер оставался свободным. Столик стоял за колоннами, в полутени, отгороженный от общего шума. Он сел, положив ладонь на край столешницы, и просто стал ждать.

Флинт заметил его сразу. Коротко кивнул, затем перевёл взгляд на меня и сделал едва заметный жест рукой — подойти и принять заказ.

Путь к нему пролегал через густую толпу. Я шла с привычной профессиональной маской, стараясь не споткнуться о чужие ноги.

— Доброй ночи. Что вы будете...

Я подняла глаза, и мир на мгновение замер. Томас. В тусклом, колеблющемся свете ламп его черты казались резче, чем обычно. Тень подчеркивала жесткую линию челюсти и холодный блеск глаз.

«Красивый, зараза», — мелькнуло в голове прежде, чем я успела договорить.

Сердце коротко толкнулось в ребра, но я не отвела взгляда. В уголках его губ мелькнула лёгкая улыбка — такая мимолетная, что я могла бы принять её за игру теней.

— Виски. Без льда, — произнёс он, глядя прямо на меня.

— Разумеется.

На мгновение показалось, что разговор окончен, но он добавил:

— И передай, пожалуйста, Дарии, что я её жду.

Я кивнула и направилась к стойке. Дария всё это время внимательно следила за мной.

— Тебя начальник зовёт, — сказала я ей и, не задерживаясь ни на секунду, передала заказ Флинту.

Забрав очередную порцию выпивки, я снова закружила по залу. Краем глаза я уловила их беседу. Они говорили легко, непринуждённо — и это было странно. Было необычно наблюдать, как Томас мог вот так запросто поддерживать разговор, улыбаясь в ответ на слова Дарии. Она что-то тихо сказала, чуть наклонив голову, и по залу пролетел её негромкий, уверенный смех.

Эта их непринужденность стала для меня странным открытием. Видимо, я, как человек, привыкший делить людей по классам, не могла себе представить, как можно вот так легко общаться с кем-то «не своего уровня». У нас даже обычные коменданты умудрялись смотреть на рабочих сверху вниз, считая себя выше по положению лишь из-за должности. А здесь, в этом безумии, иерархия работала как-то иначе.

Я не позволила себе задержаться в этих мыслях. Мир быстро напомнил о реальности — на баре уже выстроилась новая линия стаканов и тарелок. Нужно было спешить. Я двига-

лась быстро, почти механически, лавируя между гостями. Работа оказалась лучшим способом отключить лишнее любопытство и просто делать то, что должно.

Вернувшись к бару, я схватила следующий заказ и направилась к столу по соседству с тем, где сидел Томас. Поставила поднос, коротко проверила, всё ли на месте, и уже собиралась развернуться, чтобы уйти...

...но краем глаза заметила, что Томас наблюдает за мной.

— София, — негромко произнёс он. — Присядьте.

Он указал на свободный стул рядом с собой. Растерявшись от такого предложения прямо посреди смены, я не сразу поняла, как поступить. Бросила быстрый взгляд на Дарию, но та даже не смотрела в мою сторону и была разглядывая окружающих. Кивнув скорее сама себе, я присела напротив Томаса и подняла на него взгляд.

— София, зачем вы решили работать здесь? — спросил он с таким видом, будто мой выбор был лишен всякой логики. — Управление берёт на себя все ваши расходы. Если вам что-то необходимо, достаточно сообщить об этом Дарии.

На его лице читалось такое искреннее непонимание, что мне с трудом удалось сдержаться, чтобы не закатить глаза. Для него я, кажется, не являлась свободным человеком, имеющим право на выбора.

— Я не хочу быть от кого-то зависимой, — спокойно ответила я. — Мне легче дышится, когда я знаю, что никому ничем не обязана. Разве это не достаточно веская причина? — Я развела руками, указывая на шумный зал. — Да и заниматься чем-то нужно. Не сидеть же в четырех стенах.

Со стороны Дарии раздалось тихое покашливание. Поймав мой взгляд, она лишь выразительно покрутила пальцем у виска, давая понять, что считает моё рвение к труду полнейшим идиотизмом, и снова отвернулась к залу.

Томас тяжело выдохнул и на мгновение отвел взгляд, словно решая, стоит ли вообще продолжать этот спор.

— Вы понимаете, — медленно произнёс он, вновь заглядывая мне в глаза, — что выбрали не самое безопасное место для реализации своей... независимости?

Вопрос немного обескуражил, но я не позволила себе стусеваться.

— Я умею быть незаметной, — ответила я, стараясь звучать уверенно. — И стараюсь не влипать в неприятности.

Скептический взгляд Томаса задержался на мне слишком долго. В стороне снова раздался смех Дарии.

— София, уже то, что мы сейчас обсуждаем вашу безопасность, говорит об обратном, — произнёс Томас, и в его голосе проступила едва уловимая насмешка. — Это место не для «поиска себя». Здесь это может обойтись вам слишком дорого.

Он чуть подался вперёд, сцепив пальцы в замок. На фоне его спокойной уверенности мои доводы о независимости вдруг показались мне самой какими-то детскими, но отступать я не собиралась.

Томас некоторое время молчал, изучая мое лицо.

— Судя по всему, убеждать вас в обратном нет смысла, — наконец произнес он, и в его голосе послышалось не то разочарование, не то холодное признание факта.

Я поняла, к чему он клонит, и поспешила перебить его, пока он не вынес окончательный вердикт.

— Да, я знаю, — твердо сказала я, подавив желание отвести взгляд. — Вы можете мне запретить. Или просто запереть меня в четырех стенах под охраной. Но я прошу вас... пожалуйста, позвольте мне работать.

Томас посмотрел на меня холодно, едва заметно приподняв бровь. Этот жест в его исполнении выглядел весьма весомо.

— И почему я должен согласиться? — спросил он, и в его низком голосе проскользнула опасная сталь.

Я глубоко вдохнула, чувствуя, как за соседними столиками продолжает кипеть жизнь, до которой нам сейчас не было дела.

— А почему вы должны отказаться? — вопросом на вопрос ответила я.

Он не ответил сразу. Медленно перевел взгляд на свой стакан с виски, затем снова на меня.

— Потому что мне это не нравится, — отрезал он. Коротко и ясно.

Я почувствовала, как внутри закипает слабое, но отчетливое возмущение.

— О... То есть весомых причин нет? — Я не удержалась от легкой доли сарказма.

Томас посмотрел на меня в упор, и на мгновение в его глазах вспыхнуло что-то трудно-читаемое.

— Нет, — сухо ответил он.

Томас медленно отодвинул стул и поднялся. В полумраке бара его фигура казалась еще массивнее, а тень, падавшая от колонны, словно поглощала пространство вокруг него. Он не спешил уходить, глядя на меня сверху вниз тем самым нечитаемым взглядом, от которого по спине пробегал холодок.

— Знаете, София, — начал он низким, ровным голосом, в котором не было ни гнева, ни сочувствия, — в этом мире есть только одна вещь, которую невозможно навязать силой. Это желание жить.

Он на мгновение замолчал, поправляя край накидки, и в этой тишине его слова прозвучали почти как эпитафия.

— Я не вижу смысла беречь жизнь тех, кто сам за неё не цепляется. Если вы так упорно ищете способ её потерять, я не стану вам мешать.

Томас коротко кивнул Дарии, даже не взглянув больше в мою сторону, развернулся и пошёл прочь. Его шаги были бесшумными, но толпа всё так же инстинктивно расступалась перед ним, пропуская его к выходу, пока темный силуэт не растворился в ночном воздухе Кудаго.

Я осталась сидеть, глядя на пустой стул напротив. В голове набатом стучали его слова: «беречь тех, кто не цепляется». Что он имел в виду? Он что, считает это место настолько опасным? Но со мной же Дария. Да и я уж точно не спешу искать неприятности.

Я нахмурилась, пытаюсь отыскать в его пафосной речи хоть каплю логики, но мысли путались. Для меня работа была спасением, а для него чем? Блажью?

— Бред какой-то, — тихо пробормотала я под нос.

Поднявшись, я тряхнула головой, прогоняя наваждение. Философия Томаса оказалась для меня слишком сложной. Тем временем, мир вокруг не замер, он требовал, чтобы я вернулась к работе: на баре снова скопились заказы, а Флинт уже недовольно поглядывал в мою сторону.

Ничего не поняв из его брутального напутствия и решив, что это просто очередной способ продемонстрировать свое превосходство, я подхватила поднос. У меня не было времени разгадывать загадки угрюмых мужчин. У меня была смена, которую нужно было доработать до конца.

Остаток ночи превратился в бесконечный конвейер из грязных стаканов, тяжелых подносов и сальных шуток, на которые я научилась не реагировать. Время потеряло счет — оно измерялось лишь количеством пустых бутылок и стертыми в кровь ладонями. Когда Флинт, наконец, кивнул нам с Дарией, давая понять, что на сегодня всё, я едва держалась на ногах.

Мы вышли из «Пса» в предрассветные сумерки. Холодный воздух после удушливого барного дыма обжег легкие, заставляя взбодриться. Я шла по шербоатой дороге, чувствуя, как при каждом шаге гудят натруженные мышцы, а ступни словно налились свинцом. Но, вопреки

этой выматывающей усталости, внутри жило странное, почти забытое чувство удовлетворения. В кармане лежали мои первые честно заработанные деньги.

Дария шла рядом, сохраняя свой привычный невозмутимый вид.

— Ты ненормальная, — вынесла она свой привычный вердикт. — Серьёзно. С такими принципами здесь не выживают.

— Ну, значит, мне придётся стать исключением, — довольно ответила я.

Дария усмехнулась и снова пошла вперёд. Я догнала её через пару шагов и вдруг поняла: её слова меня совсем не обидели. Наоборот — в груди стало удивительно тепло, будто я только что получила чьё-то запоздалое одобрение.

В сектор мы вернулись ещё до того, как солнце окончательно залило город светом. Но, несмотря на изнеможение, я так и не смогла сразу уснуть. Долго лежала, уставившись в потолок, и вновь и вновь прокручивала в голове, как странно и стремительно повернулась моя жизнь.

Этот место... этот город... Он понравился мне с пугающей силой. Настолько, что сама мысль о том, чтобы однажды покинуть его, отзывалась почти физической болью. Вот бы забрать сюда маму. Начать всё сначала. Жить здесь. По-настоящему.

Конечно, я понимала, насколько это наивно. Нам нужно где-то жить, а денег, которые я буду получать в баре, едва ли хватит на что-то большее, чем оплата койки в секторе. Да и мама... едва ли она согласится покинуть наш дом. Она не оставит место, которое до сих пор напоминает ей об отце.

И, пожалуй, самое главное — после выполнения условий сделки, на которую меня обязал Виктор, для меня здесь, скорее всего, просто не останется места. А ведь я даже не знаю, что конкретно от меня потребуется. Тем более что Томас, кажется, свое мнение обо мне уже сформировал, и оно было далеко не лестным.

Первое неприятное, что я обнаружила, открыв глаза, — дверь была заперта. Не то чтобы это стало сюрпризом, скорее — раздражающим напоминанием о том, что эта комната мне не принадлежит.

Второе — Дария храпела. Громко, тяжело, с присвистом. Так храпят люди, которым глубоко плевать на комфорт окружающих.

Я, привыкшая мало спать и рано вставать, привела себя в порядок и села на кровать, наблюдая за ней. Дария живописно раскинулась на животе: одна нога свисала до пола, рука — туда же. Куртка и ботинки валялись в углу, но вся остальная одежда осталась на ней. Для меня, привыкшей к нормальным пижамам и чистому белью, это выглядело дико.

Стало любопытно, сколько сейчас времени. На запястье Дарии поблескивали тяжелые часы, и чтобы разглядеть стрелки, нужно было всего лишь немного повернуть её руку. Я осторожно потянулась и взяла её за кисть — буквально двумя пальцами...

В следующую секунду мир перевернулся.

Меня рвануло вперед с такой силой, что в глазах потемнело. Мелькнули синие пряди, и вот я уже вжата лицом в матрас. Колено Дарии больно уперлось мне в бок, а руку резко заломили за спину.

— Больно! — заорала я в подушку, пытаюсь вдохнуть. — Ты что, ненормальная?!

— Нормальная. А вот ты — под большим вопросом, — прошипела Дария мне прямо в ухо. Голос её был чистым и злым, без малейшего намека на сонную вялость. — Здоровые люди в это время спят, а не лапают других, как маньяки.

Она усилила хватку — не ломая кости, но так, чтобы я прочувствовала каждую связку и поняла: дергаться бесполезно.

— Я просто хотела посмотреть, который час... — выдохнула я, чувствуя, как по щеке катится слеза от обиды и резкой боли.

Дария замерла на мгновение, затем медленно ослабила хватку и рывком отстранилась. Она села на кровати, убирая с лица длинные синие волосы, и уставилась на меня мутным, тяжелым взглядом.

— Десять утра, — буркнула она, потирая лицо ладонями. — Еще раз потянешь ко мне руки, когда я сплю — останешься с одной. Уяснила?

Я села, потирая затекшее плечо, и посмотрела на неё с опаской. Моя вера в то, что мы «подружились» после ночной смены, только что получила серьезную затрещину.

Дария смерила меня тяжёлым взглядом.

— Слушай внимательно, — её голос стал ниже. — Если у тебя какая-то шиза — это твоя личная проблема. Сиди тихо и не перекладывай её на мою голову. Ещё раз полезешь ко мне во сне — останешься без... ну, ты, в общем, сама уже поняла?

— Дверь заперта, — тихо произнесла я, проигнорировав угрозу.

— Конечно, заперта, — буркнула она, окончательно проснувшись. — Хочешь сбежать — сначала научись не будить тех, кто может тебя догнать.

Она рывком поднялась, схватила сумку и, не сказав больше ни слова, скрылась за дверью ванной.

Сначала я не придавала этому значения, но время тянулось мучительно медленно. Прошёл час. Потом ещё половина. Внутри начало скручиваться беспокойство. Я подошла к двери и осторожно постучала.

— Дария... у тебя всё в порядке?

Тишина. Я постучала сильнее.

— Всё нормально?

— Отвали! — донеслось из-за двери. Голос был хриплый и такой злой, что у меня перехватило дыхание.

Я отступила. Спустя ещё несколько минут дверь распахнулась. Дария вышла так, будто не провела там вечность, а просто зашла на секунду. Тёмные штаны, белая майка, волосы собраны в тугой хвост. Но лицо было белым, резким, застывшим в какой-то каменной ярости.

Она даже не посмотрела на меня. Схватила куртку и рявкнула:

— Пошли.

И, открыв дверь, вышла первой. Мне не оставалось ничего, кроме как следовать за ней.

Путь лежал в столовую — огромное приземистое здание, из труб которого порывами валил густой сероватый дым. Внутри стоял невыносимый гул: лязг приборов о металл, шарканье десятка ног и тяжелый, липкий запах переваренной крупы и старого жира. Очередь двигалась быстро, подчиняясь лихорадочному ритму этого места.

Я уже собиралась отойти к свободному краю длинного обшарпанного стола, как рядом возник чей-то силуэт. Кто-то подошёл слишком близко, нагло нарушая мои границы. Я возмущённо подняла глаза и столкнулась взглядом с молодым парнем.

— Я... Марк, — быстро бросил он, переминаясь с ноги на ногу.

Имя мне ничего не дало, но я сразу узнала лицо. Тот самый торговец с площади. Я не успела и рта раскрыть, как пространство между нами разрезал голос Дарии:

— Сгинь.

Она выросла рядом мгновенно. Голос был низким, вибрирующим от едва скрываемой враждебности. Между ними буквально заискрило напряжение.

— Я просто хотел... — начал он, но осекся.

Дария молча выставила руку ладонью вперёд, приказывая замолчать. Жест был коротким и властным.

— Ты уже сказал больше, чем надо, — отрезала она и шагнула ближе, закрывая меня собой.

Этого оказалось достаточно. Парень отступил. Сначала на шаг, потом ещё на один, делая это нарочито медленно, словно издеваясь над её серьезностью. Прежде чем окончательно исчезнуть в толпе, он вдруг коротко ударил себя кулаком в грудь и показал мне быстрый, непонятный жест — коснулся пальцами лба и резко отвел руку в сторону. В его глазах искрилось мягкое, живое веселье.

— Что это значит? — спросила я, когда мы наконец сели за стол.

— Благодарность, — ответила Дария, с грохотом ставя поднос. — И обещание, что он тебе должен. У них это что-то вроде клятвы. — Она на мгновение нахмурилась, оглядывая зал. — Надо бы узнать, что здесь вообще этот торгаш забыл.

— Мне не нужны его долги, — буркнула я, ковыряя ложкой кашу.

— Тебя об этом никто не спрашивал.

Дария первой отодвинула пустую миску и, не глядя по сторонам, поднялась. Поднос она подхватила привычным, доведенным до автоматизма движением. Я последовала за ней. Металл под ладонями был холодным и скользким от жира. Где-то звякнула уроненная ложка, в углу кто-то хрипло расхохотался. Дария поставила посуду на край раздаточной и толкнула поднос в общую стопку так, что тот гулко отозвался на весь зал. Я сделала то же самое, невольно копируя её резкий жест.

Она скользнула по залу быстрым оценивающим взглядом, словно хищник, проверяющий территорию, и я машинально повторила за ней. А уже через минуту тяжёлая дверь столовой захлопнулась за нашими спинами, отсекая гул голосов.

Бар встретил нас тишиной и прохладой. Сквозь мутные окна пробивался рассеянный свет, ложась на пол бледными полосами. Внутри всё казалось застывшим, будто помещение ждало, когда его разбудят.

Флинт уже был за стойкой. Он методично протирал стакан, едва слышно поскрипывая тканью о стекло.

— Не спешили, — бросил он, не поднимая глаз. — Я жду вас уже четыре минуты.

— Мы гуляли, — лениво отозвалась Дария.

Она не пошла за стойку, а сразу направилась вглубь зала. Выбрав столик в самом углу — так, чтобы спина была защищена стеной, а вход оставались перед глазами, — она по-хозяйски отодвинула стул.

— Ты, — Флинт наконец поднял взгляд на неё и махнул рукой, — уйди и не отсвечивай. А ты, — он кивнул мне, — живо за работу. Фартук в подсобке.

— Так я уже, — усмехнулась Дария и уселась, сложив руки на груди и вызывающе вытянув ноги.

Флинт лишь выразительно качнул головой и снова переключил внимание на меня, постукав пальцем по часам. Я поняла без слов.

День проходил в подготовительной суете. Посетителей почти не было, сегодня «Пёс» открывался в полную силу только ближе к закату. Я протирала столы и расставляла стулья, а Флинт занимался ревизией за стойкой. В этой полупустой тишине дядюшка оказался потрясающим собеседником. Говорил он негромко, но каждое слово было для меня живительной каплей новых знаний.

Он рассказывал, как тяжело людям даётся жизнь в Пустоши и на что они идут каждый день ради выживания.

— Понимаешь, — он кивнул, методично протирая мутное стекло бутылки, — здесь работает простая истина: чем тяжелее условия, тем больше труда ты должен приложить, чтобы создать вокруг себя хоть что-то пригодное для жизни. Они не строят капитальных домов — зато придумали складные шатры, чтобы иметь возможность в любой момент уйти в более безопасное место. Они не ждут помощи, они полагаются только на свои руки.

Я слушала его, замороженная этой суровой логикой, и в какой-то момент не выдержала: — Но почему? Почему они не хотят жить как все? В городах Совета есть стены, работа, закон... Там ведь порядок.

Флинт вдруг хрипло рассмеялся. Это был короткий, сухой звук, в котором не было веселья.

— Жители Федерации — это ещё не весь мир, София. За пределами власти Совета живут тысячи людей. И, во-первых, не все они хотят жить так, как принято там.

Он на мгновение замялся, подбирая слово. Его губы уже почти сложились в «рабы», но он вовремя осекся и поправил себя:

— Не все хотят жить по правилам, которые диктуют сверху. Видишь ли, здесь люди слишком дорожат своей свободой. В городах Совета ты меняешь свою волю, — он выразительно постучал себе пальцем по виску, — на безопасность и гарантированный паёк. А в Пустоши ты сам решаешь, как тебе жить и как сдохнуть. И для многих это важнее, чем чистая постель и предсказуемое завтра.

Флинт замолчал, возвращаясь к своим бутылкам. Я посмотрела на Дарию, которая всё так же неподвижно сидела в своём углу, надвинув капюшон на глаза.

«Она там спит, что ли?» — промелькнуло у меня в голове.

Та не шевелилась уже минут двадцать, напоминая застывшее изваяние. Но, вспомнив утреннюю «затрещину», лезть к ней и проверять расхотелось напрочь.

Закончив расставлять стулья и выравнивать столы, я вытерла лоб и села на край одного из них, довольно оглядывая проделанную работу. В полумраке бара теперь царил относительный порядок, и на душе стало чуть спокойнее.

В этот момент колокольчик на входной двери зазвенел, сообщая о прибытии гостя. В «Пёс» вошёл парень, и я с любопытством наблюдала, как он уверенно пересекает зал. Он поздоровался с Флинтом, и тот встретил его на редкость тепло и радостно. Они обменялись парой фраз, после чего дядюшка кивнул и быстро убежал куда-то в сторону кухни — видимо, чтобы приготовить что-то для гостя.

Незнакомец повернулся ко мне и, не спрашивая разрешения, сел на стул напротив. Он порывистым движением скинул капюшон куртки, и я удивлённо уставилась на него, едва сдержав возглас.

Это был Алекс.

Сегодня в нём не было и тени той ледяной враждебности, которая так напугала меня в нашу прошлую встречу.

— Привет, — просто сказал он.

Я не верила своим глазам. В ушах всё ещё стоял его холодный, полный презрения голос, а память навязчиво подсовывала ощущение тяжелых металлических наручников на запястьях. Сейчас передо мной сидел будто совсем другой человек, и это меня настораживало.

Я поспешно убрала руки со стола, пряча их под фартук, и постаралась выпрямить спину.

— Привет... — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Ну и как тебе Кудаго? — спросил Алекс, внимательно разглядывая моё лицо.

Я растерялась. Вопрос застал меня врасплох: я сама не совсем понимала, как мне описать чувства, что я испытываю, находясь здесь. Я молчала слишком долго, и он переспросил:

— Совсем всё плохо?

— Нет, он... великолепен. В своём роде, — спохватилась я, выдавая первое, что пришло в голову.

Алекс усмехнулся, и в уголках его глаз пролегли мелкие морщинки.

— Великолепен? Сильное слово. И что же ты успела увидеть в нашем «великолепии»?

— Рынок... и столовую, — честно призналась я.

Он звонко, с явным сарказмом рассмеялся:

— Рынок и столовую? Считай, ты не видела вообще ничего. Дария плохо справляется со своей задачей сопровождающего.

— Чё припёрся? — резкий голос Дарии разрезал пространство, заставив меня вздрогнуть.

Она возникла за его спиной так внезапно, что я едва не подпрыгнула. Дария стояла, сложив руки на груди, и смотрела на Алекса с таким видом, будто он был назойливым муравьем, а не человеком, от которого здесь всё зависело.

Я замерла в шоке. Мысли в голове путались: «Как она может так с ним разговаривать? Он же глава! Он же...» Я переводила взгляд с её дерзкого лица на его спокойную улыбку, ожидая взрыва, но Александр даже бровью не повёл.

— Я тебе тоже рад, — отозвался он.

— Ну конечно, — буркнула Дария и по-хозяйски села рядом.

Колокольчик над дверью снова неистово зазвенел, заставив нас всех троих разом обернуться к входу. На пороге стояла рыжая грузная женщина лет сорока. Её лицо распухло от слёз, а тушь некрасивыми потеками размазалась по щекам.

Из кухни в этот же миг вышел Флинт с подносом в руках. Увидев гостью, он замер, и его лицо мгновенно посуровело. Он поставил поднос на стойку и скрестил руки на груди, хмуро глядя на вошедшую.

— О-о-о... — протянула Дария, мгновенно оценив масштаб надвигающейся бури. Она тут же встала со стула. — Свидетелем этой сцены я быть отказываюсь. Увольте.

Женщина, едва заведя дядюшку, разрыдалась с новой силой.

— Флинт! Прости меня, дуру! — запричитала она, делая шаг вглубь зала и заламывая руки. — Раскаиваюсь, честное слово, места себе не находила! Возьми меня назад, я всё отработаю!

Флинт не спешил смягчаться. Он окинул её холодным взглядом и едко спросил:

— Ну и? Где твой жених? Тот самый, ради которого ты бросила работу в самый разгар сезона?

При упоминании жениха женщина буквально зашла в истерику. Она закрыла лицо руками и, захлёбываясь слезами, выкрикнула:

— Сбежал! Этот гад сбежал и забрал всё, что у меня было! Флинт, мне некуда идти!

Дядюшка посмотрел на Дарию совершенно растерянн. В его суровом взгляде читалась паника человека, который не знает, как поступить. Дария в ответ лишь картинно развела руками, мол, «сам разбирайся со своими драмами», и сделала шаг в сторону.

Алекс, который всё это время сохранял абсолютное спокойствие, перевел взгляд на меня. Казалось, вопли за спиной его совершенно не трогают, хотя я была уверена: он просто помог Флинту с выбором работника на сегодняшний вечер.

— София, ты видела город со смотровой площадки? — негромко спросил он, игнорируя рыдания за соседним столом.

— Нет... — растерянно ответила я, всё ещё под впечатлением от увиденного.

Дария вдруг звонко хлопнула в ладоши, прерывая мои мысли.

— Отлично! — заявила она, подмигивая Алексу. — Дядюшка! Раз уж у тебя тут такое пополнение, мы сегодня прогуляем!

Флинт, для которого возвращение опытной работницы (пусть и в таком состоянии) было явной неожиданностью, облегченно выдохнул. Он махнул нам рукой, ничуть не расстроившись из-за нашего ухода.

— Проваливайте, — бросил он, а затем добавил: — Завтра жду всех вовремя. И чтобы без опозданий!

Женщина снова взвыла, пытаясь схватить его за рукав, и мы поспешили к выходу.

— Идём, — сказал Алекс, накидывая капюшон. Как только мы оказались снаружи: — Пора показать тебе, во что ты на самом деле вляпалась.

Дорога заняла немного времени, но за каждым поворотом Кудаго открывался мне с новой стороны. Здесь не было ровных проспектов Воронды и закатанных в асфальт дорог; улицы петляли, зажатые между невысокими постройками, а под ногами хрустел гравий и сухая пыль.

Чем ближе мы подходили к границе города, тем явственнее я ощущала разницу. Масивные ворота, выкрашенные в чёрный цвет, возвышались впереди мрачной громадой. По обе стороны от них тянулись укрепления, уходящие в темноту. Подъём на смотровую площадку оказался крутым — узкая лестница с металлическими ступенями гулко отзывалась на каждый наш шаг.

Мы поднялись, и площадка встретила нас неожиданно тёплым ветром, принёсшим запахи дыма и специй. Я сделала шаг вперёд — и замерла, не в силах сдержать возглас восхищения.

Слева раскинулся Кудаго, и он сиял. Сотни, тысячи огней — от ярких прожекторов на патрульных вышках до уютных жёлтых ламп в окнах домов и перемигивающихся гирлянд на рыночных площадях — сливались в живое, пульсирующее море. В Воронде после двадцати трёх ноль-ноль наступала мёртвая тьма. Свет отключали ради экономии, и город погружался в серый сон, прерываемый лишь редкими фонарями у зданий Совета. А здесь... здесь жизнь не замирала. Город горел вопреки всем законам, вопреки логике выживания, словно дерзкий вызов самой темноте. Всё казалось живым — как будто Кудаго смотрел на меня в ответ.

Справа, за воротами, тянулась дорога. Даже сейчас по редким проблескам было видно, что там кто-то двигался: чьи-то фонари походили на медленно ползущих светляков. Посередине всё разделяли те самые ворота, тяжёлые и надёжные, как граница между двумя мирами.

Алекс прислонился к перилам и заглянул вниз. Дария стояла чуть поодаль, вдыхая ночной воздух.

— Я собиралась показать ей Кудаго сама. Без лишних сопровождающих, — нарушила тишину Дария.

— Я не лишний. Я ведущий. И всё равно ты продолжаешь закрывать на это глаза, — сказал Алекс с лёгкой иронией.

Дария лишь фыркнула и отвернулась, не пытаясь спорить. Я решилась задать вопрос, который вертелся в голове с момента нашей встречи:

— Как мне вас называть: Александром или всё же Алексом?

Он посмотрел на меня чуть вбок — спокойно — и едва заметно усмехнулся.

— Можно и Александром. Но только наедине. По городу я передвигаюсь чаще инкогнито. — Он сделал короткую паузу и добавил: — Так что, если в дальнейшем хочешь наслаждаться моей компанией, зови меня Алекс.

— А я... разве могу? — растерянно спросила я, глядя на него. Огни города отражались в его глазах, делая взгляд мягким.

Он рассмеялся — легко, без насмешки.

— Можешь, конечно.

И мне вдруг стало до горечи стыдно за себя. Да, я оказалась в этом городе не по своей воле. И если бы не обстоятельства, я никогда бы не пошла на такое. Но город принял меня по-своему: Флинт дал мне работу, мне выделили комнату, здесь ко мне относились уважительно. Даже лучше, чем я могла ожидать от этого сурового места. Я понимала, что мне здесь нравится.

И от этого становилось только хуже. Стыдно. Тяжело. Паршиво.

— Алекс... — слова застредали в горле. Я сжала пальцы, чтобы голос не дрогнул. — Я... должна извиниться. За то, как мы... встретились. Это было ужасно. И... мне правда очень жаль.

Я на мгновение замолчала, переводя дыхание. Пылающий внизу Кудаго казался слишком честным для моей лжи.

— Я... — голос сорвался. — Я не хотела причинять кому-то боль и притворяться. И я уверена, она обязательно вернётся.

Он мгновенно замер. В густом свете городских огней его фигура казалась высеченной из камня: тело стало неподвижным, руки остались в карманах. Взгляд — ровный, почти нечитаемый в ночной полутьме. На лице не было ни раздражения, ни тепла — только отстранённое спокойствие.

— Я знаю, — сказал он после долгой паузы.

Голос звучал почти плоско, будто он намеренно гасил в себе любые эмоции, не давая им прорваться в ночную тишину.

— Я не вижу смысла держать на тебя обиду.

Он отвёл взгляд на сияющий внизу город, будто этот разговор был для него чем-то... незначительным.

— Это не твоя вина. И не твоя ответственность, — без выражения добавил он.

От этой холодной нейтральности мне стало почему-то ещё тяжелее. Моё извинение будто упало в пустоту между нами, так ничего и не изменив.

Тишину площадки внезапно разрезал низкий вибрирующий звук. Потом второй. Тяжёлый, уверенный гул мощных моторов заполнил пространство, отражаясь от стен укреплений. Мы одновременно посмотрели вниз, на переплетение ночных улиц.

Там, в глубине кварталов, вспыхнули слепящие огни. Мы увидели, как три броневика на огромной скорости несутся по главной улице города к выезду. Они пролетели под нами, взрезая светом фар темноту переулков, и через секунду с оглушительным рёвом и резким разворотом вырвались из распахнутых ворот. Машины рванули с места, мгновенно исчезая в чёрной пустоте за стенами так, будто там вспыхнул сигнал тревоги, о котором мы ещё не знали.

Алекс нахмурился, его лицо в отсвете уходящих огней на мгновение стало жёстким. Глаза Дарии сузились. Она бросила быстрый взгляд на Алекса, он ответил ей коротким кивком, и оба одновременно, не сговариваясь, рванули в сторону лестницы.

Я замерла на месте, в растерянности глядя им вслед. Ночная прохлада вдруг показалась ледяной. Нужно ли мне бежать за ними?

Дария резко обернулась — Не стоим столбом! За мной, ногами двигаем!

Я кивнула — скорее сама себе — и бросилась следом, в темноту лестничного пролёта.

Несмотря на то что я неслась за ними почти впритык, всё равно постоянно отставала. До сегодняшнего дня я была уверена, что нахожусь в отличной форме — самоуверенность оказалась штукой коварной, особенно когда перед тобой мчится Дария, а за ней — Алекс, и оба будто вообще не знают, что такое усталость.

Я отчаянно пыталась держаться рядом, но холодный ночной воздух обжигал лёгкие, и дыхание сбивалось всё сильнее. Мы пронеслись через две улицы. В темноте, разбавляемой лишь пятнами света от фонарей, я даже не успела разобрать, куда мы бежим. Только следила за их мелькающими спинами, а внутри всё горело от сухости в горле. В левом боку прострелило так резко, что я непроизвольно схватилась за него рукой, боясь, что иначе просто упаду.

Когда мы добрались до высокого трёхэтажного здания с аккуратно выкрашенным серым фасадом, подсвеченным парой уличных ламп, я уже едва переставляла ноги. Дария остановилась на верхней ступеньке крыльца, чуть повернувшись ко мне. В её взгляде не было сочувствия, но, по крайней мере, не было и привычной издёвки. Я приготовилась услышать очередную колкость по поводу моей медлительности, но она промолчала. За это молчание я была ей почти благодарна.

Мы взлетели на крыльцо. Алекс толкнул тяжелые створки, и мы оказались в холле. Внутри было прохладно — так неожиданно приятно после бега, что меня пробрала дрожь. Я

сразу заметила диванчик у окна и уже приготовилась туда сползти, но Дария меня притормозила:

— Куда? Нет, дорогуша, ты с нами.

Я разочарованно выдохнула и поплелась следом. Дошли до первой же двери. Алекс дернул ручку — закрыто. Они переглянулись, он выудил из кармана ключ, и через секунду мы были внутри.

Кабинет как кабинет. За последнее время я на них насмотрелась так, что желания сравнивать не было. Алекс сразу шагнул к столу и схватил рацию.

— Том, это Алекс. Что там у вас? Приём. Томас? Вы куда погнали?

Сначала из динамика шел один треск, но потом прорвался голос Томаса:

— На колонну из Финвала напали. Мы вышли на перехват.

Алекс выпрямился, пальцы на рации побелели.

— Что в грузе?

— Усилители. Всё, некогда. Конец связи.

Рация щелкнула. В наступившей тишине мой выдох прозвучал слишком громко. Алекс уставился в одну точку. Дария подошла к столу, хмуро глядя на прибор.

— Не понимаю, — бросила она. — С чего вдруг траскеры на нас прыгнули? Они же всегда по объектам Совета работали. Нас вообще не трогали.

Она посмотрела на Алекса, надеясь на внятный ответ. Но он только развел руками.

— У меня нет идей, Дар. Вообще никаких.

— Класс... — фыркнула она. — Только этого нам не хватало.

Алекс вздохнул и уперся ладонями в край стола, глядя в пол. Так мы просидели почти час. Алекс и Дария за все это время не обмолвились ни словом. Мы просто сидели и ждали, хотя никто не знал, чего именно.

За два часа ожидания Алекс не произнёс ни слова. Он сидел на краю стола, постоянно занимая руки: сначала бесшумно перекачивал между пальцами металлические шарики, затем крутил какие-то палочки, проверяя их на излом. Сейчас он растягивал между ладонями тонкую резинку — ту самую, что Дария сняла с волос и бросила на стол минут сорок назад.

Я наблюдала за ним, стараясь делать это незаметно, но, похоже, выходило плохо. В каждом его движении чувствовалась скрытая энергия, даже когда он казался абсолютно спокойным.

Вдруг Дария фыркнула, не отрываясь от окна:

— Перестань пялиться.

Я вздрогнула.

— Я не пялюсь...

— Ну конечно, — бросила она, даже не повернув головы.

Алекс моргнул, на секунду взглянул на нас и снова уткнулся в резинку. Уголок его рта едва заметно дрогнул. У меня запылали уши. В этот момент я решила, что не посмотрю в его сторону ближайшие лет двадцать.

Томас появился внезапно. Сначала в коридоре что-то тяжело грохнуло, затем дверь распахнулась. Алекс поднял голову, Дария замерла. Томас оглядел комнату, задержав взгляд на мне. Его лицо было хмурым.

— София, — сказал он. — Подожди снаружи. Мне нужно поговорить с моими... — он на секунду замялся, — друзьями.

Первым порывом было остаться. Но я вовремя прикусила язык. Какой смысл? Даже если я спрошу, мне всё равно никто ничего не ответит, только выпрут из кабинета. Лучше уйти самой. Спокойно и гордо, всем своим видом демонстрируя, что мне совершенно не интересно происходящее. Хотя на самом деле мне было интересно до дрожи.

Я выпрямилась, нацепила на лицо маску полного равнодушия, коротко кивнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

В коридоре было пусто. Я опустилась на тот самый диванчик у окна. Пальцы нервно выстукивали быстрый ритм по колену. Я ждала, сама не понимая чего.

Минуты через три дверь распахнулась так резко, что я подпрыгнула. Дария вылетела в коридор и грохнула створкой так, что воздух ощутимо дрогнул. На её лице была чистая ярость. От привычной невозмутимости не осталось и следа.

— Идём, — коротко бросила она.

Я тут же двинулась следом. Мы возвращались в сектор. Минут через пять Дария, наконец, остыла, и дальше мы шли обычным, размеренным шагом.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.